

18+

СТРАННИКИ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Наталья Бахтина

Наталья Бахтина

Странники млечного пути

<https://litres.ru/74503729>

ISBN 9785007128599

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Действие книги происходит в Москве в 80-х годах прошлого века, но временами она уносит нас с Земли в другие уголки Вселенной. О любви и дружбе, о научных изысканиях астрономов и фантастических открытиях в космосе вы прочтёте в этой книге.

Содержание

КНИГА 1	5
На углу Вселенной	6
Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1. Случайное знакомство в КПЗ, или что такое сфера Дайсона	14
Глава 2. Парадокс Ферми	23
Глава 3. Альбигойцы	33
Глава 4. Космическое чудо	43
Глава 5. Письмо	54
Глава 6. Институтские будни	69
Глава 7. Кутузовский проспект и его окрестности	81
Глава 8. Если звёзды умирают...	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Странники млечного пути

Наталья Бахтина

Дизайнер обложки Ирина Никулина

© Наталья Бахтина, 2026

© Ирина Никулина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2859-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА 1

На углу Вселенной

Благодарности

Хочу выразить мою глубокую благодарность мужу Юрию, без советов и участия которого не появились бы на свет некоторые эпизоды и целые главы этой книги.

Благодарю также всех тех, кто был настолько добр, что не мешал предаваться любимому занятию — сочинительству, хотя и считал, возможно, что раздумья о судьбе нашей цивилизации — бесцельная и пустая трата времени.

Отдельно хочу поблагодарить коммунальные службы нашего посёлка, которые снабжают жителей всем необходимым: почти всегда течёт из крана вода, есть электричество и интернет. Не могу не сказать пару тёплых слов о «Газпроме», который бесперебойно поставляет голубое топливо в наши дома — не приходится каждый день бежать на двор и рубить дрова, чтобы растопить печь и обогреть дом.

Особая признательность Пенсионному фонду, который не забывает регулярно выплачивать ежемесячный грант, вполне достаточный для того, чтобы заниматься любимым делом и не думать о том, как заработать на хлеб насущный.

Пролог

Москва — это большая деревня. Так утверждали гордые ленинградцы, да и остальные жители большой страны ещё пятьдесят лет тому назад. Чего в этом утверждении было больше — снобизма или зависти? Желания уколоть столичных жителей, которые пользовались всеми доступными благами цивилизации, в отличие от деревенских жителей? Как бы то ни было, если ты обернёшься назад, мой читатель, то увидишь, как по берегам Москвы-реки действительно ершатся деревянные штакетники деревень, давших впоследствии наименования районам и улицам столицы. Долгое время деревенские домики благополучно соседствовали с широкими проспектами, очень неохотно уступая дорогу высоким городским строениям. Вот и на западе Москвы маленькие домишки деревни Гладышево, окружённые иссечёнными дождями деревянными сараями, курятниками и свинарниками, не хотели сдаваться нашествию каменных исполинов. Но и они постепенно проросли в величественное здание большого научно-исследовательского института, выросшее на высоком берегу реки. Здание это спрячется от шума столицы недалеко от МГУ, в парковой зоне, примыкающей к будущей улице Косыгина в том её месте, где она отойдёт от Университетской площади.

В этом здании будет протекать научная деятельность од-

ного из героев нашего повествования, Романа Анатольевича Покровского. Не беда, что строительство этого здания в нашей с вами реальности, дорогой читатель, не продвинулось дальше фундамента, который до сих пор скрывается среди кустов и деревьев парковой зоны рядом с Университетской площадью. Представим, что события пошли по-другому, и на месте фундамента появились всё-таки стены современного научного института, сотрудники которого занимаются животрепещущими проблемами поиска внеземного разума и молекул этилового спирта в глубинах вселенной. Почему бы и нет? Виртуальная реальность становится не менее реальной, если дать волю воображению. Если на то пошло, то даже более реальной она становится, ведь ничто не ограничивает движение ума в мире фантазии. События, развивающиеся в институте и описанные в этой книге, вполне могли бы произойти в действительности. Поэтому не будем строги и не станем придираться к документальной точности. Главное для нас — соблюсти дух эпохи, а потом увести мысль читателя по альтернативному пути, а там уже недалеко и до признания многовариантных возможностей и параллельных вероятностей.

Между тем в то время, которое мы описываем, величественные здания, призванные увековечить монументальный городской стиль в архитектурном разнообразии столицы, неумолимо сминали и сменяли стиль деревенский. Вот и выше по течению уже гордо раскинули свои крылья один-

надцати-двенадцатизэтажные дома, в которых слуги народа и их потомки наслаждались красивейшими видами, открывающимися на Москву-реку и деревню Камешки, пока ещё не желающую сдаваться новым веяниям и потому беспокойно оглашающую по утрам все окрестности петушиным криком и хрюканьем поросят. Эти крики отчётливо доносились с того берега на этот и напоминали городским жителям, что мясо и яйца встречаются не только на полках «Гастронома», сияющего витринами на углу Кутузовского проспекта и Киевской улицы, а дымки над печными трубами свидетельствовали, что можно отлично обходиться и без центрального отопления.

В одном из этих домов живёт ещё один герой нашего романа, Глеб Семёнович Соколов, отец которого был большим партийным начальником и ездил на работу на Старую площадь на персональном «ЗИМе». Глеб — «гордость двадцать седьмой английской школы» — не захотел следовать по стопам отца, хотя ему прочили большое будущее и всячески продвигали вперёд, начиная с пятого класса, когда он был единогласно выбран школьным начальством председателем совета отряда. Но — всякое бывает в жизни — мальчик не пожелал идти по прямой столбовой дороге, местами переходящей в крутую иерархическую лестницу, доступную для подъёма лишь немногим избранным. Вместо этого он бросил свою спецшколу, ибо английский язык знал уже довольно, читал книжки Марка Твена и Герберта Уэллса в подлиннике

и пел под гитару песни «Битлз» на родном языке знаменитой вокально-инструментальной четвёрки. В обычной школе, куда он перевёлся после восьмого класса, учитель английского языка на первом же уроке, услышав его произношение на фоне остальной, молча сидящей и отводящей глаза аудитории, пришёл в нервное состояние и немедленно предоставил юному вундеркинду свободное посещение своих уроков. Чтобы не вводить в смущение молодого преподавателя, наш герой предоставленной ему льготой тут же и воспользовался.

Другие уроки также были ему в тягость. Большую часть времени он предпочитал проводить на набережной Москва-ши. Так местные подростки называли Москву-реку, рядом с которой им повезло проживать в элитных сталинских домах. Дома эти были выстроены на месте старинного Дорогомиловского кладбища, появившегося после «чумного бунта» в Москве в конце восемнадцатого века. Когда-то берёзы, поросшие мхом, и пни огромных деревьев придавали кладбищу вид заброшенного парка. По оврагам там и сям даже в середине двадцатого века, когда на месте бывшего парка давным-давно разрослась дивная, пахнущая прелью и печёной картошкой полынь, были разбросаны могильные плиты. Гранитные и мраморные остатки былого вызывали неподдельный интерес у ребятни. Некоторые плиты были покрыты письменами на иврите, другие — караимской письменностью и были одинаково непонятны как ребятне, так и взрослым.

Спокойный сон старинного кладбища впервые был нарушен в начале двадцатого века, когда в древнем Дорогомилове соорудили знаменитый Трёхгорный пивоваренный завод. В начале тридцатых годов процесс пробуждения пошёл ещё быстрее. Стараниями заокеанского миллиардера Хаммера рядом с пивоварней была воздвигнута карандашная фабрика, названная в честь американских коммунистов-революционеров фабрикой имени Сакко и Ванцетти. Растущее производство на обоих предприятиях вскоре потребовало подъездных путей. Пивной завод пожирал массу ячменя, а карандашная фабрика потребляла кучу кедровой древесины. И подъездные пути в виде железнодорожных рельсов улеглись прямо на могильные холмики. Оставшиеся в живых родственники усопших поспешно принялись вывозить своих родных и близких. Власти шли им навстречу — желающим предоставлялись телеги, а потом и грузовики. Но основной гранитно-мраморный погребальный массив так и остался лежать на живописных холмах и оврагах побережья Москвы-реки.

В конце тридцатых годов вторжение железнодорожников сменилось нашествием строителей. Двадцатый век не мог дольше мириться с полуразвалившимися хибарами по обочинам Можайского шоссе. «Железный конь идёт на смену деревенской лошадке», — шутили каменщики в ответ на недовольный ропот местных жителей. И дома полезли по обеим сторонам шоссе как грибы.

В конце пятидесятых дома вплотную подошли к окружающей железной дороге. Но Фили по-прежнему оставались деревней до тех пор, пока в порыве свойственного ему энтузиазма знатный кукурузовод и перекройщик государственных границ не раздвинул границы первопрестольной до размеров солидного европейского княжества. Однако консервативные москвичи долго не желали принимать Кунцево в Москву и упорно продолжали называть его Подмосковьем.

Подъездные пути, ведущие к знаменитой на всю страну карандашной фабрике и к не менее знаменитой среди столичных жителей пивоварне, получившей имя советского наркома Бадаева, работали без устали. Ещё одна колея появилась на месте бывших могил, и для регулировки возрастающего трафика потребовалось возвести семафор. Высота его оказалась внушительной, не менее тридцати метров. Разместили этот столб у подножия кладбищенского холма, который своей макушкой нависал над построенным семафором метров на двадцать с гаком. А именно этот холм и был самым заселённым и застроенным уголком еврейского участка Дорогомиловского кладбища. Буквально на каждом шагу здесь высились мраморные склепы, высывались из-под земли фундаменты памятников, остатки чугунных оград отделяли земельные наделы мёртвых от территории пока ещё живых. Всё это великолепие было скрыто под покровом темноты одним экскаватором за две-три ночи в начале шестидесятых годов...

В стране давно уже была побеждена темнота и неграмотность, но одним из главных искусств продолжал оставаться незабвенный синематограф. В доме номер тридцать по Кутузовскому проспекту появился кинотеатр «Киев». Именно в торце этого здания, на углу Киевской улицы и набережной Шевченко, и находился вход в интересный и захватывающий мир иллюзий, обещающий удивительные приключения и путешествия по стране фантазии, сулящий отдохновение от мирской суеты и просто дарующий на полтора часа забвение от тревог и волнений обыденной жизни.

Этот кинотеатр, открытый в 1951 году, стал для Глеба Соколова поистине родным домом. Каждый из двух залов вмещал по сто человек. Сколько картин здесь было просмотрено, сколько волнующих моментов пережито! «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён», «Три толстяка», «Королевство кривых зеркал», «Приключения Толи Кляквина», «Морозко»... Да мало ли какие ещё! Когда стал постарше, не пропускал ни одного сеанса «Песен моря» и «Самозванца с гитарой», на которые ходил с друзьями и без. Что сказать — хорошее было времечко!

Потом здание кинотеатра закроют, а в антисоветское время передадут под мастерскую Фоменко. Но обо всём по порядку...

Глава 1. Случайное знакомство в КПЗ, или что такое сфера Дайсона

«Нет, я больше так не могу. Надо что-то делать. В конце концов, имею я право на самостоятельную жизнь?»

Так думал молодой человек двадцати девяти лет от роду, входя в нижний зал КПЗ на Можайском Валу. Народу в зале было полно. Мало того, что к пивным автоматам стояла очередь минут на пятнадцать, так ещё и все места за столиками были заняты стоящими вплотную друг к другу любителями «Ячменного колоса». Пахло разгорячёнными мужскими телами и крутым сигаретным дымом. Начало апреля, а на улице не по-весеннему свежо. Все в пальто и в шапках, толкуются возле столиков, встать будет негде. Вот где по-настоящему можно испытать чувство локтя!

Человек сто пятьдесят, прикинул Роман. Надежда на быстрое утоление жажды начала стремительно таять.

«А пойду-ка я наверх. Ничего, что придётся снять пальто, зато посижу по-человечески, отдохну».

Второй этаж Киевского Пивного Зала был заполнен лишь наполовину. То ли посетителей отпугивала необходимость сдавать в гардероб верхнюю одежду, то ли жалели полтинник на чаевые официанту. Оглядевшись вокруг и увидев у окна столик, за которым спиной к Роману сидел только один человек с пышной шевелюрой, Роман подошёл к нему и веж-

ливо осведомился:

— Простите, не помешаю?

Обладатель шевелюры, не оборачиваясь, сделал приглашающий жест рукой, не в силах оторваться от пивной кружки. Впечатление было такое, что после недельного блуждания по пустыне его вконец замучила жажда, а сейчас он добрался до оазиса и припал к источнику живой воды. Рядом с мучеником стояло пять кружек пива по триста семьдесят пять граммов каждая. На тарелке лежала аппетитная горка желтоватых креветок.

Роман уселся за столик и в ожидании официанта начал исподтишка разглядывать соседа. Тот оказался примерно одних лет с Романом, может, слегка моложе. Кроме великолепной шевелюры, парень обладал длинными изогнутыми ресницами, которые сделали бы честь любой красавице. «Наверное, девушки по нему сходят с ума», — подумал Рома.

Допив до дна, парень вытер губы рукой и сказал:

— Глеб.

— Что Глеб? — не понял Роман.

— Я Глеб. А тебя как зовут?

— Роман. Можно просто Рома.

— Бери, Рома, пей. Пока официанта дождёшься, от жажды помрёшь. А тебе выпить срочно надо.

— Спасибо. А откуда вы знаете?..

— Что выпить надо? По тебе видно. Взгляд затравленный, ноздри раздуты. Так ноздри раздуваются, когда обидел кто-

то сильно, и человеку нужно срочно успокоиться. Так что не стесняйся, бери. Когда принесут — отдашь. И давай на «ты», без этих излишних формальностей, — Глеб пододвинул к Роману одну из своих кружек.

Роман воспользовался приглашением Глеба и взял кружку. Сделав несколько глотков, почувствовал на себе испытующий взгляд соседа и смущённо поставил кружку на стол.

— Извини, что я на тебя так смотрю. Просто вид у тебя потерянный, жалкий какой-то. Ты закусывай, закусывай, — Глеб пододвинул к Роману тарелку с креветками.

Рома взял креветку, оторвал креветочную голову и высосал её ароматное содержимое.

— Ничего креветочки, вполне, — заметил Глеб, — но ты лучше закажи сосиски. По цене то же самое, сорок копеек, зато у нас будет разнообразие: то креветки, то сосиски с картошечкой от «Колосса»! Ну, так что с тобой приключилось? Рассказать не хочешь?

И Рома начал рассказывать. Почему он разговорился с первым встречным, он и сам до конца не понимал. Бывает так, что случайные попутчики откровенничают друг с другом в купе, а потом сойдут каждый на своей остановке и никогда не встретят друг друга в последующей жизни. Поэтому и откровенничают, что ничем не рискуют.

— Да-а-а, дела, — протянул Глеб, когда Роман закончил свой рассказ. — Слушай, а ты не хотел бы снять себе какое-нибудь жильё?

Тут появилась официантка во влажном от пива фартучке и выжидательно посмотрела на Романа. Он сунул руку в карман и нащупал последнюю трёшку, оставшуюся до зарплаты. «На рубль возьму пять пива, а на восемьдесят копеек порцию креветок и порцию сосисок. Останется рубль двадцать, как-нибудь дотяну».

Официантка равнодушно выслушала заказ и, покачивая бёдрами, неспешно удалилась в недра пропахшего пивом, креветками и сосисками заведения.

— Понимаешь, Глеб, — Роману очень не хотелось жаловаться на безденежье, но он понимал, что от этого никуда не деться, — я работаю в институте космических проблем, а на зарплату инженера в сто пять рублей особо не разгуляешься.

— Проблем много? — увидев недоумение на лице Романа, Глеб пояснил: — Я говорю, много ли проблем в космосе?

— Как тебе сказать... Иногда мне кажется, что мы сами эти проблемы выдумываем, а потом пытаемся себе внушить, что так и было.

— Как это? — заинтересовался Глеб.

— А вот взорвалась, допустим, где-то в галактике сверхновая звезда. Учёные изобретают по этому поводу сложные теории, пишут статьи, защищают диссертации. Ездят на научные конференции, читают лекции, доклады. А проблема выеденного яйца не стоит: просто некая цивилизация построила вокруг этой звезды сферу Дайсона, в ней скопилась колоссальная энергия, сфера не выдержала и рванула.

— Я тоже немножко интересуюсь астрономией, почитываю «Технику молодёжи», но про такое пока не слышал. Что такое сфера Дайсона?

— Это такая оболочка вокруг центральной звезды, чтобы улавливать её излучение и не давать ему рассеиваться в космическом пространстве.

— А что, такое возможно?

— Пока только гипотетически, — вздохнул Роман, отрывая панцирь от очередной кровати. — Но если мы будем засорять окружающую среду нынешними темпами, то через пару сотен лет сможем соорудить подобную сферу из мусора. Правда, не вокруг Солнца, а вокруг Земли.

Вдали показалась официантка с подносом, на котором красовались пять кружек пива и две тарелки с закусками. Роман оживился, но тут же сник — девушка резко свернула налево и понесла поднос в другую сторону.

— Что я тебе говорил? А если её будешь торопить, то услышишь в ответ неизменное: «Вас много, а я одна!»

Глеб так искусно спародировал извечную фразу всех особ из привилегированного класса обслуживающего персонала, что Рома невольно рассмеялся.

— Хочешь новый анекдот? — Глеб пододвинул к Роману ещё одну кружку с пивом и протянул кровать.

— Давай!

— Идёт Брежнев по коридору в Кремле, навстречу ему Громыко. «Леонид Ильич, Христос воскрес!» — «Да, мне

уже докладывали», — отвечает генсек.

Посмеялись. Рома подумал, что бывают анекдоты смешные, несмешные и политические. Последние вряд ли будут понятны людям через тридцать-сорок лет.

Наконец перед столиком появилась официантка и бухнула перед Ромой заказанные пять кружек пива и закуски. Глеб вытащил сигареты «Ява» в мягкой упаковке.

— Куришь?

— Да. Какая у тебя?

— Явская.

Затянулись. Помолчали. Выпили.

— Глеб, почему ты пиво переливаешь из одной кружки в другую? — заинтересовался Роман.

— Понимаешь, привычка у меня такая. Кружки-то не стерильные, моют их кое-как, на скорую руку. Мало ли какая зараза прицепится! А так — я пью всё время из одной, риск заразиться в пять раз меньше! Сечёшь?

— Секу. — Роман подивился наивности собутельника.

— Но ведь пиво соприкасается со стенками кружек по всей их внутренней поверхности. Если кружка была грязной, то и пиво загрязнилось. Хорошо, ты перелил его в другую кружку. Но оно от этого ведь чище не станет!

— Больше всего гадости скапливается в микроскопических трещинках на краях кружки, — назидательно поведал Глеб. — Но и ты прав, конечно. Я же говорю, это просто привычка, из разряда самовнушения. — Глеб немного помол-

чал, а потом внимательно посмотрел на соседа: — Слушай, Роман, парень ты, видимо, не промах. Вот что я хочу тебе предложить: а давай к нам в магазин! Нам сейчас грузчики — во как нужны! — Красноречивый жест Глеба показал, что грузчики им действительно нужны позарез. — Приличный заработок тебе будет обеспечен. Снимешь хоть комнату, хоть квартиру, если захочешь.

— Да я же работаю! В этот институт, между прочим, просто так с улицы не берут. Я пять с половиной лет учился, чтобы туда попасть. Пока инженер, потом младшим научным сотрудником буду.

— И что? Зарплату, небось, на десять рублей поднимут? Грузчик в нашем магазине гораздо больше тебя имеет. При желании, конечно. Я смотрю, ты мужик крепкий, мешок в полста килограммов запросто поднимешь. У нас как раз вакансия открылась, сменщик сказал, что не выйдет больше на работу. Запил, наверное. В общем, это его дело, а работа ждать не будет!

— А наукой я когда буду заниматься? В свободное время по ночам?

— Далась тебе эта наука! Чем вы там таким особенным занимаетесь? Бумажки, поди, перекладываете с места на место да в курилке по полдня проводите! А у нас в магазине конкретную пользу людям будешь приносить, обеспечивать их самым необходимым: батончиками «Рот Фронт» и печеньем «Юбилейным».

— Ты в кондитерском, что ли, работаешь?

— В нём. Работа чистая, аккуратная. С шоколадом рядом, с восточными сладостями. Но это мелочь, конечно, хотя и приятная. А вот подзаработать у нас действительно можно. На все твои потребности хватит и ещё останется. Но деталей, скажем так, э-э-э, разглашать не имею права, пока ты к нам не устроишься.

— Ну, не зна-а-ю...

— А ты подумай. Много времени на раздумья нет, но до послезавтрашнего утра дай ответ. Лады? Вот мой телефон, позвони, если надумаешь. А сейчас мне бежать надо. Я только на сорок минут отпросился. Каждый день приходится работать, потому что сменщика нет. Пока!

И Глеб стремительно ретировался, подложив под тарелку пятёрку. Через две минуты подошла официантка, привычным жестом вытянула из-под тарелки купюру, засунула себе в карман передника и спросила:

— Ещё что-то заказывать будете?

— Нет, спасибо, — промямлил Роман.

Официантка ушла. Роман выпил предпоследнюю кружку пива, машинально зажевал переваренными сосисками, которые показались ему безвкусными, и задумался.

Предложение Глеба застало его врасплох. Судя по всему, грузчики там у них действительно неплохо зарабатывают: Глеб оставил пятёрку и сдачи не попросил. На ум пришла избитая фраза: не в деньгах счастье, но какое же счастье без

денег!

А что, если попробовать совместить? Перейти в институте на полставки, вон и Глеб говорит, что у них в магазине грузчики не каждый день должны на работу ходить.

Идея показалась Роману привлекательной. Но...

Трудовую забирать из института очень не хочется. Может, удастся завести новую? Надо будет посоветоваться с Глебом.

Глава 2. Парадокс Ферми

— Ну и где они?

— Кто — они?

— Внеземные цивилизации. Почему они нас до сих пор не колонизировали? Все разумные — да что там разумные — все живые существа стремятся расширить сферу своего обитания. Не могут топтаться на одном месте. Борьба за новые ресурсы и всякое такое. Если их нет здесь, значит, их нет вообще.

Этот разговор происходил в курилке института, носящего скромное название «ИРА №2». Двое курильщиков уютно расположились на диванчике в углу под фикусом. Этот фикус являл собой пример существа, демонстрирующего удивительную жизнестойкость в экстремальных условиях. Ни никотиновые дымы, окружающие его с утра до вечера мутными клубами, ни окурки, затушенные в горшке в непосредственной близости от растения, ни потоки недопитого чёрного чая, вылитые из чашек в горшок с жизнелюбивым растением, не могли поколебать его волю к жизни.

Институт Радиоастрономии №2, «Ирочка вторая», как его любовно называли знающие люди, находился на пике своей популярности. Тут надо сказать, что это был не только научно-исследовательский, но и учебный институт. От абитуриентов отбою нет последние два года, шутка ли — двадцать

два человека на место! Это, конечно, не ГИТИС, не ВГИК и не «Щука», но тоже не кот наплакал. Молодые парни и девушки, воодушевлённые успешными запусками космических аппаратов и полётом первого человека в космос, обратили свои взоры к небу и с начала 60-х так и ходили с высоко поднятыми головами. Пройдут каких-то три месяца, и все подходы к институту будут забиты страждущими абитуриентами и их мамашами, толпящимися перед только что вывешенными на огромные стенды результатами письменных экзаменов по математике и физике.

А пока звенел апрель. На улице зябко, указ о запрете курения в стенах института появится только лет через двадцать. Поэтому самостийная курилка у выхода на пожарную лестницу не пустовала. Какая-то сердобольная душа притащила из подвала старый продавленный диванчик, который ранее стоял в предбаннике у директора и был списан распоряжением замдиректора по хозяйству после покупки новой мебели. Фигус из подсобки пожертвовала тётя Маша, считавшая, что растение будет хоть немного очищать воздух вокруг «бедных курильщиков, которые травят себя почём зря».

— Кончайте курить, самоубийцы! — раздался со второго этажа зычный голос профессора Кардашевского. — Капля никотина убивает коня!

По легенде, профессор когда-то сам был заядлым курильщиком, а ныне — ярым сторонником здорового образа жизни.

— Мы не кони, нас так просто не убьёшь, Павел Григорьевич!

— А, это опять вы, Роман! Зайдите ко мне в кабинет, есть разговор по теме вашей дипломной работы.

— Сейчас зайду, Павел Григорьевич!

Роман поспешно затушил окурок, на этот раз, в порядке исключения, о край урны на длинной тонкой ножке, а не в горшке с фикусом.

Павла Григорьевича Кардашевского считали в институте человеком не от мира сего. Действительно, какому учёному в здравом уме и твёрдой памяти придёт в голову создавать классификацию воображаемых явлений? А Павел Григорьевич занимался именно этим. Он утверждал, что в бесконечной вселенной должно быть бесконечно много цивилизаций, в том числе и таких, которые сильно обогнали земную в своём развитии. Земля, со всеми её заводами и фабриками, самолётами и пароходами, вычислительными машинами и спутниками, занимала на шкале Кардашевского крайне низкую позицию. Попросту говоря, на нуле находилась Земля. До цивилизаций первого типа, которые используют всю энергию, падающую на планету от центрального светила, нам ещё шагать и шагать. Не говоря уже о цивилизациях второго типа, которые могут потреблять всю энергию своего солнца, или о цивилизациях третьего типа, чья энергетическая мощь сравнима с мощностью всей галактики.

В институте Павла Григорьевича любили. Ибо был он че-

ловеком добрым, любознательным и, кроме того, настоящим учёным. Кроме шкалы цивилизаций, он занимался и реально наблюдаемыми астрономическими явлениями. То есть он сначала их предсказывал, а потом их открывали. Увы, за границей. Так он предсказал пульсары, как говорится, «на кончике пера». Интуиция у Павла Григорьевича была потрясающая. О ней в кулуарах ходили легенды. Например, рассказывали, как он сдавал в университете экзамен по теоретической механике. Курс третьекурсникам давался с трудом, читал его преподаватель, словно отбывая наказание. Те студенты, которые ходили на лекции, откровенно зевали или занимались своими делами. В конце семестра выяснилось, что экзаменационные билеты составлены не по учебнику, на который все надеялись, а по лекционному курсу, который никто не слушал. Конспектов ни у кого не было. Вернее, они были только у одной отличницы, Аллы Смирновой, которая принципиально ходила вообще на все лекции и семинары. Естественно, Алла никому конспекты не давала, потому что сама по ним готовилась. И только под утро перед экзаменом Павлу удалось завладеть конспектами на полчаса.

Что делать? Всё прочесть, а тем более запомнить, нет никакой возможности. И тогда Павел пошёл на хитрость. Написал на плотных листках бумаги числа от одного до двадцати пяти (именно столько было билетов) и разложил их чистой стороной кверху. Тщательно перемешал и наугад ткнул пальцем в первый попавшийся листок. Выпало число трина-

дцать. Не будучи суеверным, Павел выучил билет под этим номером и пошёл на экзамен. Надо ли говорить, что на экзамене ему попался именно этот номер!

Или вот ещё случай. Однажды Павел, уже работая младшим научным сотрудником в отделе радиоспектроскопии, поехал в гости к своему другу, Серёже Иконникову, только что получившему новую квартиру в спальном районе. Уже выйдя из метро, обнаружил, что записку с адресом Сергея забыл дома. И хотя мобильный телефон уже был изобретён к тому времени, ему ещё предстояло пройти немалый путь, чтобы стать достоянием простых смертных. Даже обычного телефона в квартире у Сергея пока не было. Павел, недолго думая, подошёл к гражданину в шляпе, шедшему навстречу, и спросил, где живёт Иконников Сергей. Тот назвал точный адрес. Этот гражданин в шляпе оказался человеком, знавшим Сергея ещё по астрономическому кружку в Киеве и как раз недавно побывавшим у него в гостях. Естественно, он был единственным человеком во всём этом спальном районе, который мог в тот момент дать адрес Сергея.

Круглую комнату, в которой работал Павел Григорьевич, кабинетом можно было назвать с большой натяжкой. Кроме профессора, в ней сидели ещё четверо сотрудников. Столы располагались по периметру, и сотрудники сидели спинами к центру, чтобы не сверлить друг друга глазами и не мешать друг другу заниматься тяжёлой умственной деятельностью. В центре комнаты стоял круглый стол, за которым распива-

лись крепкие чай, а иногда, по праздникам, и другие напитки. В распоряжении Павла Григорьевича был стол-секретер в виде бюро с полукруглым верхом, который в отсутствие хозяина опускался и запирался на ключ.

— Входите, Покровский. Все ушли в буфет, мы с вами спокойно побеседуем, — такими словами встретил Романа сидящий за своим бюро Павел Григорьевич, полуобернувшись на стук в дверь.

Роман с любопытством оглянулся по сторонам. Он редко бывал в этой комнате и каждый раз обнаруживал в ней что-то интересное. Вот и сейчас глаза наткнулись на новое изречение, написанное на листе ватмана синим фломастером и красующееся на стене между двумя окнами: «Смотрим в книгу и видим... выражение для лапласиана в сферических координатах». Сдержав невольный смешок, Роман вопросительно посмотрел на Павла Григорьевича.

— Присаживайтесь, — Роман сел на указанный стул, — и расскажите, чем вы сейчас занимаетесь. Мне ваш диплом понравился, вы там высказали оригинальные идеи о магнитном поле нейтронной звезды.

Молодой человек замялся. О чём рассказывать? Последнее время он выполнял трудоёмкое и неинтересное поручение своего заведомо. Одному космическому ящику понадобилось выяснить, какие звёзды на небе переменные, а какие постоянные. Понятно, что звезда, которая меняет свой блеск непредсказуемым образом, для навигации не годится.

Никто за это дело браться не хотел, боялись ответственности. Да и то правда — даже если звезда сто лет молчала, что мешало ей взорваться в любой момент в будущем? Но договор был подписан, деньги авансом на счёт института переведены, пришлось выкручиваться. Начальник назначил Покровского ответственным за работу, сказав: «Если ты этого не сделаешь, никто больше не сделает». И Роман выкручивался. Он перелопатил гору литературы и составил список звёзд, о которых к настоящему времени имелись хоть какие-то сведения о переменности, полученные наземными телескопами или спутниками: либо в видимом спектре, либо в инфракрасной или даже в ультрафиолетовой области.

— Что такое парадокс Ферми, знаете? — по-своему истолковав молчание Романа, спросил Кардашевский.

— В общих чертах, — осторожно ответил Роман. — Если в двух словах, то это полное молчание Вселенной, хотя цивилизаций должно быть много, в том числе и таких, которые сильно опередили нас по уровню развития.

— В общем, да, — задумчиво протянул профессор и забарабанил пальцами по столу. — Может, дело в том, что они просто не хотят с нами общаться?

— Как — не хотят?

— А зачем мы им нужны? Что мы им такого хорошего можем предложить?

— Ну, если не мы им, то они нам... — неуверенно начал Роман.

— Почему вы думаете, что они должны быть альтруистами? Что они спят и видят, чтобы кого-то облагодетельствовать? К тому же, если хоть немного изучить человеческую природу, легко понять, что люди — это такие существа, которые любой дар обращают в конце концов против дарителя. Не все, конечно, но рисковать никому не хочется.

Профессор помолчал. Роман терпеливо ждал.

— Отсутствие сигналов принято называть парадоксом Ферми, хотя ещё Блез Паскаль говорил: «Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств!»

Потом, без всякого перехода, профессор Кардашевский предложил:

— Роман, не хотите ли войти в группу по поиску сигналов, которую я собираюсь организовать? Вы — практик, и с фантазией у вас всё в порядке, судя по диплому. Я читал вашу дипломную работу. Нейтронная звезда — огромный магнит, а значит, состоит из железа! Бред, конечно, но бред оригинальный. Вы, наверное, зачитываетесь произведениями Ивана Ефремова?

— С тех пор, как я прочёл «Туманность Андромеды», фантастика стала моим любимым литературным жанром, — с некоторым вызовом произнёс молодой человек.

— Ну-ну, не ершитесь. Я ничего плохого не имел в виду. Наоборот, я считаю, что человек без фантазии не может быть настоящим учёным. И потом, я предлагаю всем членам моей группы свободное посещение, а не как сейчас — от звон-

ка до звонка. Это ведь тоже немаловажно, не так ли? Соглашайтесь! Можете подумать, я не требую от вас немедленно-го ответа.

Роман сказал:

— Насколько я знаю, сам Энрико Ферми не утверждал, что других цивилизаций нет. Он всего лишь спросил: где все?

— Вы совершенно правы. Ему приписывают фразу: «Если где-либо есть внеземные цивилизации, то их корабли должны были быть давно на Земле». Но это легенда, как с Ньютоновым яблоком или с Архимедовой ванной. И потом, не много ли мы на себя берём, когда говорим, что внеземные цивилизации обязательно должны были колонизировать Землю? Кодекс спартанского воспитания предполагал, что слабых и уродливых младенцев бросали с высокой скалы в море. Мы же этого сейчас не делаем! Почему тогда мы с уверенностью заявляем, что внеземной разум должен повсюду распространиться и все прочие обитаемые планеты захватить? Я, например, не всегда могу предсказать, что завтра придёт в голову моей жене, не то что внеземной цивилизации! Может, у них существуют этические нормы невмешательства? Может такое быть? — спросил профессор и, не дожидаясь ответа Романа, сам ответил: — Может. Как спартанцы не поняли бы нашу толерантность, так и внеземной разум для нас — тайна за семью печатями. Так что, Роман, подумайте и сообщите мне о своём решении. Прислушайтесь к внутрен-

нему голосу, а также к внешнему. Знаете, есть такое выражение, оно мне очень нравится: шёпот утренних звёзд. Вот и послушайте, что вам нашепчут звёзды. Недельки для раздумья вам хватит?

— Вполне, — немного озадаченный поступившим предложением, ответил Роман Покровский.

Глава 3. Альбигойцы

— Значит, сделаем с вами так, — Клавдия Васильевна внимательно оглядела паренька чуть выше среднего роста, с карими глазами и непокорными светлыми вихрами. «Глаза умные, взгляд открытый, приятная улыбка. Вроде выносиливый». — Вас рекомендовал Глеб Соколов, и поэтому я пойду вам навстречу. Вообще-то без трудовой мы не берём... Но для вас я, пожалуй, сделаю исключение. Работа у вас будет сменная, через день. Рабочий день с девяти утра до восьми вечера. Без пяти восемь вечером заходите ко мне, и я — или мой заместитель, если меня не будет — выдаёт вам на руки восемь рублей. Работа на разгрузке и в зале. Коллектив у нас хороший, девчата все бойкие, но им помощь тоже нужна. Согласны на такие условия?

Роман стоял в комнате заведующей кондитерским магазином, куда его привёл Глеб. Магазин удобно расположился на углу первого этажа длинной девятиэтажки почти в начале одного из главных московских проспектов. Оставшуюся часть первого этажа занимали ещё два магазина. Одним из них была знаменитая валютная «Берёзка», куда пускали только иностранцев, потому что у советских граждан валюты не было. По крайней мере, не должно было быть, а если и была, то граждане её не афишировали. За «Берёзкой» начинался «Русский сувенир», перед которым выстраивались длин-

ные очереди желающих приобрести гжель. Особенно интересовали любителей русского прикладного искусства фарфоровые скульптуры и фигурки, шкатулки и вазы, подсвечники и пепельницы, расписанные всевозможными оттенками синих цветов. В магазинах в этой части столицы недостатка не было. Через дорогу, в здании напротив, в стеклянных витринах красовались игрушечные машины всевозможных размеров, марок и цветов, конструкторы, плюшевые мишки, зайцы и прочие мелкие и крупные животные, а также куклы и весь необходимый в кукольном хозяйстве реквизит, начиная от шкафчиков и посуды и заканчивая одеждой и крошечными колясками.

Но все эти подробности Роману предстояло узнать позже, а пока он откровенно робел под цепким взглядом заведующей. «Хорошо, что без трудовой книжки берут, как Глеб и говорил. Не люблю я махинации с документами, плохо это кончается».

— Клавдия Васильевна, меня всё устраивает. Единственная просьба: я бы хотел среду освободить, моё присутствие в этот день обязательно в институте.

— А что, в другие дни не обязательно на работу ходить? — Клавдия Васильевна с интересом посмотрела на собеседника. — Хорошо вам, учёным, живётся! Хотите — ходите на работу, не хотите — не ходите. Да и то сказать — какая от вас простому народу польза? Один вред! Вон, атомную бомбу придумали, теперь, того и гляди, всё взорвёте к такой-то

мамочке! Что молчите? Ответить нечего?

— Клавдия Васильевна, ну, не один же вред от учёных. Двигатель внутреннего сгорания, на котором все машины ездят, кто изобрёл? Учёные. Телефон, который у вас на столе стоит, тоже придумали учёные. Трёхпрограммная радиоточка у вас в кабинете — опять же учёные. А то, что открытия часто идут не на пользу, а во вред людям — так это политики виноваты.

— Ну, про политику не будем мы с тобой, — уже примирительно и тоном пониже ответствовала заведующая, как-то вдруг сразу перейдя с Романом на «ты». — Всё это мы понимаем, не маленькие. А насчёт среды — договаривайся со сменщиком. Если с ним договоришься, среда твоя. Когда можешь к работе приступить?

— Хоть сегодня.

— Сегодня и приступай. Как раз сейчас торты привезут из Черёмушкинского хлебокомбината. Поможешь Глебу разгрузить. Заодно и войдёшь в курс дела, согласишься, что к чему. Да переодеться не забудь, выбери себе халат. Разгружать можно и в синем, а когда будешь работать в зале, обязательно надень белый.

— Спасибо, Клавдия Васильевна.

— Пока не за что. Посмотрим ещё, какой из тебя работник.

Покровский вышел из кабинета заведующей со смешанным чувством. С одной стороны, он был рад, что его приня-

ли без трудовой; с другой стороны, он не вполне себе представлял, как ему всё-таки удастся совместить работу научного сотрудника в институте и грузчика в магазине. «Землю попашет, попишет стихи» — хорошо было Маяковскому писать свои стихи лесенкой, а тяжёлый физический труд с умственной работой сочетать кто-то всерьёз пытался? Пожалуй, Лев Николаевич попробовал, да и то не выдержал — сбежал из дому.

«Ну ладно, вот я и поставлю эксперимент. На себе», — подумал Роман и толкнул дверь, на которой было написано: «Рабочая одежда». Окон в небольшом помещении не было, и Роман не сразу нашёл выключатель, который почему-то оказался не возле двери, как это обычно бывает, а в углу. При свете, падающем из коридора, его и не видно было во все. Хорошо, что у Романа с собой был маленький фонарик, подарок университетского друга ко дню рождения. Фонарик маленький, всего восемь сантиметров длиной. Покровский всегда носил его с собой во внутреннем кармане пиджака. И вот теперь он пригодился.

Разыскав на вешалке синий халат подходящего размера, Рома надел его поверх свитера и вышел во двор.

Когда Роман появился на заднем дворе, туда как раз, урча, заезжал задним ходом хлебный грузовичок. Кузов фургончика был разделён на три секции, каждая из них имела свою собственную дверь.

— Вовремя пришёл, молодец! — Глеб одобрительно по-

хлопал Романа по плечу. — Сейчас мы с тобой быстро управимся. Ты, главное, делай как я!

Грузовик к этому времени уже подъехал к задней стене магазина и остановился в аккурат перед распахнутой дверью подсобки. Из кабины вылез уса́тый шофёр с накладными и, бросив на ходу «привет», открыл одну из трёх дверей кузова, после чего скрылся в недрах магазина. Ребята принялись за разгрузку.

Глеб хватал сразу по пять коробок, но Роману наказал, чтобы тот вначале больше четырёх не брал: «С непривычки уронить можешь, потренируйся пока помалу». Минут за двадцать все сто коробок с тортами были доставлены в холодильные шкафы. Туда же были помещены несколько подносов с пирожными, на которых красовались трубочки с розовым кремом и покрытые ванилью эклеры, корзинки лучились всевозможными радужными цветами, картошки подмигивали белыми глазками, ромовые бабы, задорно подбоченившись, почти выпрыгивали с подносов от нетерпения. С особым удовольствием Рома нёс поднос со столичными кексами, сквозь боковые грани которых просвечивали карие очи изюминок.

— Ты переодевайся, а я надену белый халат и понесу в зал. Потом ко мне тоже присоединишься. Халаты белые вон там висят, — Глеб указал на ширму в конце коридора.

Работа показалась Роману не трудной, но довольно занудной. Тридцать ходок туда и обратно по полутёмному коридо-

ру, боязнь оступиться и потерять равновесие — Роман чувствовал себя слегка усталым. И это только первый рабочий день, и то не полный! «Ничего, привыкну — будет легче», — Рома достал расчёску и пригладил свои разлетающиеся вихры. Он увлекался ансамблем «Битлз» и потому отрастил себе волосы до плеч.

Помогая заносить торты и пирожные в торговый зал, Роман немного приободрился. Улыбки девчат за прилавками придали ему уверенности и вернули хорошее настроение. А выйдя из кабинета заведующей с хрустящей трёшкой, вручённой ему за успешную стажировку, — как сказала Клавдия Васильевна, — Роман и вовсе решил, что день сегодня задался. Выйдя на улицу, он невольно поёжился — по вечерам ещё было довольно свежо.

Распахнутая книжка СЭВа еле угадывалась на фоне почти потемневшего неба.

— С почином тебя! — Глеб протирает лобовое стекло «Москвича», припаркованного возле газетного киоска. — Садись, подвезу! Тебе куда надо?

— В библиотеку. Тут недалеко, я пешком дойду.

— Ну, ты даёшь! Кто ж в библиотеку по ночам ходит?

— Она до девяти работает, я успею.

— Тем более садись, подброшу. Так скорее выйдет.

Роман не стал сопротивляться и уселся на переднее сиденье рядом с Глебом.

— Не расскажешь, что за срочность такая — в восемь ве-

вчера отправляться в библиотеку?

— Понимаешь, я книгу заказывал редкую, про альбигойцев. Сегодня позвонили, сказали, что книга пришла из заказника, могу забрать. Выдают только на две недели, поэтому не хочу терять время.

— Кто такие альбигойцы и почему ты ими интересуешься? — Глеб внимательно посмотрел на нового приятеля, переключая передачу.

— Никогда не слышал? Их ещё катарами называют, или «совершенными». В переводе с греческого означает «чистые». В XIII веке на юге Франции, в замке на горе Монсегюр, двести альбигойцев почти целый год выдерживали осаду крестоносцев, а тех было десять тысяч! И это при том, что оружия у осаждённых не было, они им принципиально не пользовались, считая, что зло нельзя победить злом. А накануне сдачи замка четверо посвящённых спустились на верёвке с отвесной скалы высотой более километра и унесли с собой некое «сокровище». Их следы затерялись, и никто не знает, какую драгоценность они унесли с собой и где спрятали.

— Так ты хочешь клад найти, что ли?

— Очевидно, что это было не золото и не серебро. Ради денег совершенные не стали бы так рисковать. Это была реликвия иного рода.

— Какого?

— Никто доподлинно не знает. Фантазия обычно не идёт

дальше того, что это могла быть Чаша Грааля или Ковчег Завета. Для ковчега, правда, тяжело — если он весил около трёхсот килограммов, то вряд ли его могли спустить с километровой высоты и унести с собой четверо беглецов.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что это мог быть ключ между мирами.

— В каком смысле?

— Ну, ты, наверное, слышал, что учёные сейчас на полном серьёзе говорят о том, что в мире не три измерения — длина, ширина и высота, и даже не четыре, если прибавить время по теории Эйнштейна, а целых одиннадцать.

— Слышал, но это всё выдумки математиков. Страшно далеки они от народа... Если бы они целый день потаскали с моё, то не витали бы в облаках, а к вечеру мечтали бы только об одном: принять горизонтальное положение в двух измерениях перед телевизором! Простому человеку все эти теории по барабану, поелику никакой практической пользы для него не представляют.

— А вот здесь ты не прав! Если бы удалось найти вход в иные измерения, вся жизнь круто изменилась бы. Возможно, мы могли бы перемещаться из одной точки пространства в другую практически мгновенно, и деньги на билеты тратить не пришлось бы...

— Эк тебя куда занесло... А эти твои альбигойцы причём тут? И почему их ещё катарами называют?

— Это, в сущности, одно и то же. Альбигойцы — это по

названию города в южной Франции, Альби. Там их было особенно много. Они католической церкви не подчинялись и римский папа специально для них придумал инквизицию. Кроме того, папские священники пронюхали про необычную вещь, которую альбигойцы хранили пуще зеницы ока, и во что бы то ни стало решили заполучить её. И осаду Монсегюра предприняли для этого. Но когда наконец ворвались в замок, то почти никого там не застали... Вот я и думаю, что альбигойцы ушли потайным ходом через другое измерение и реликвию с собой унесли.

— Ты же говорил, что четверо спустились по верёвке?

— Понимаешь, это по легенде так. Не могли же нападающие признаться, что они упустили осаждённых, которые ускользнули от них неизвестно каким образом? Ну, они и схватили первых попавшихся местных жителей, проживавших рядом, и отправили их на костёр. Святая инквизиция, она такая святая...

Некоторое время ехали молча. Глеб что-то обдумывал, но больше ни о чём пока не спрашивал.

— Завтра полнолуние, — нарушил молчание Рома. — Обычные астрономы в полную луну не наблюдают, а я поеду в Пушино, в радиоастрономическую обсерваторию. Для радиотелескопа фазы Луны не имеют значения. Да, спасибо тебе, Глеб, что ты в среду согласился меня подменять. Для меня это важно, правда.

— Свои люди, сочтёмся. — Глеб припарковался у входа в

библиотеку. — Приехали, профессор.

Роман поблагодарил и выбрался из машины. Глеб задумчиво смотрел ему вслед и, когда Роман уже взялся за ручку входной двери, выглянул из машины и крикнул:

— Удачи, профессор!

«Издаётся, наверное, — решил Роман. — Слишком наукообразный стиль никому не нравится. Надо будет учесть на будущее. Мне с ним ещё работать и работать».

Глава 4. Космическое чудо

Большая сканирующая антенна Пушкинской радиоастрономической станции всегда подавляла Романа своими размерами и поражала воображение. Сказать, что это была большая антенна, значило не сказать ничего. Ну, или почти ничего. Длиннее километра по периметру, ориентированная с востока на запад, антенна состояла более чем из шестнадцати тысяч диполей, принимающих радиоизлучение в метровом диапазоне. По чувствительности в мире ей не было равных. Но не этот радиотелескоп был выбран Павлом Григорьевичем Кардашевским в качестве основного инструмента для уникального эксперимента, а более скромный радиотелескоп с тарелкой диаметром двадцать два метра, способный принимать волны в миллиметровом диапазоне.

Роман Покровский сразу после наблюдений направился в институт — была среда, а на этот день Кардашевский назначил общий сбор новой исследовательской группы.

— Итак, друзья мои, для начала я хочу, чтобы вы познакомились друг с другом, — Павел Григорьевич оглядел всех четырёх членов своего коллектива, собравшихся в малом конференц-зале.

В этом зале читались лекции для студентов и устраивались объединённые семинары по астрофизике, на которые съезжались профессионалы и любители со всей Москвы. И

хоть зал назывался малым, все желающие спокойно в нём помещались. Были, конечно, исключительные случаи — например, когда приезжали именитые учёные из-за границы. Тогда не то что яблоку, монетке негде было упасть, и люди стояли в проходах. Ещё этот зал славился тем, что в нём была установлена знаменитая крутящаяся доска. Несомненное удобство, поскольку лектор не пачкал мелом руки и не тратил время на стирание написанного, а просто вращал приделанную сбоку рукоятку, выкручивая наружу чистую часть доски. Лекторы, которым приходилось писать много формул, оказывались в невыгодном положении — когда чистая часть кончалась и снизу выныривал исписанный каракулями кусок доски, им поневоле приходилось брать в руки тряпку. Она всегда почему-то была сухая, и с неё сыпался мел на пиджак и на брюки теоретиков. По этому признаку — рукава и колени в меле — их легко было отличить от экспериментаторов.

Роман с любопытством посмотрел на сидящего рядом с ним в первом ряду юношу, увлечённо листавшего свой блокнот с записями. Высокий чистый лоб, круглое лицо, раздувающиеся крылья носа, чуть припухлые губы, оттопыренные уши — ни дать ни взять новоявленный Михайло Васильевич! «Насчёт оттопыренных ушей у Ломоносова — это я, конечно, погорячился. На всех портретах он в парике, под которым ушей не видно».

— Начнём с вас, Миша, — профессор кивком головы ука-

зал на соседа Романа. — Расскажите немного о себе.

Михаил взял блокнот и направился к доске.

— Я сторонник того, чтобы обо мне говорили мои идеи. А в остальном — всё как у всех: родился, учился, связей порочащих не имел, за границу не выезжал. Поэтому приступим сразу к делу.

И Михаил написал на доске формулу Дрейка. О существовании этой формулы Роман, конечно, знал, но впервые столкнулся с довольно вольным толкованием вероятности возникновения разумной жизни на планете, вращающейся вокруг иного солнца.

— Почему мы ограничиваемся только похожими на нас формами жизни? — вопрошал Михаил. — Почему мы должны считать, что белковая форма — единственная во Вселенной? Если расширить понятие жизни, тогда и вероятность контакта возрастает во много раз. Например, если вместо углерода живые организмы построены на основе кремния, а вместо воды используют аммиак, то зона Златовласки сильно расширяется.

— Что такое зона Златовласки и почему она так называется? — спросил молодой человек, сидящий сзади по левую руку от Романа.

— Обитаемая зона вокруг звезды, где в принципе может существовать жизнь. Златовласка — сказочная девочка, которая вторглась в лесу в дом к трём медведям. Усталая и голодная, она искала, что поесть и где отдохнуть. Взрослые

медведи были большие, их посуда девочке не подошла. Она смогла поднять только самую маленькую ложечку, которая принадлежала Мишутке, и съела его кашу. А потом заснула в его кроватке. То есть Златовласка нашла для себя подходящие условия, чтобы выжить. А откуда мы знаем, какие условия являются подходящими для жизни, которая построена по другим, чем наши, принципам?

— Ты ещё спроси, что такое жизнь, — откликнулся сзади молодой человек, который до сих пор сидел молча.

Роман оглянулся. Где-то он видел этого усатого паренька. «Кажется, он работает в лаборатории новейшей измерительной аппаратуры», — мелькнула мысль.

— И спрошу, — упрямо мотнул головой докладчик. — Наша задача, по большому счёту, напоминает известную фразу из русских народных сказок: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Пока мы не определимся с критериями искомого, нет смысла сужать критерии поиска.

— Вас понял, — Павел Григорьевич что-то записал в свой блокнотик. — А теперь попрошу вас, Виктор, рассказать нам, что вы думаете о перспективах наших поисков. Вы же наблюдатель-фотометрист. Нам интересно послушать ваше мнение.

Усатый Виктор вышел из-за стола и, поднявшись на помост, начал крутить доску. Формула Дрейка исчезла за верхним обрезом, но снизу появилась писанина, оставшаяся от другого лектора. Виктор вполголоса чертыхнулся и потянул-

ся было за тряпкой, но потом передумал:

— А я не буду ничего писать, — заявил он, обернувшись к собравшимся. — Хотел нарисовать схему фотоэлектронного умножителя, но вполне можно обойтись и без этого. Если кто-то хочет вспомнить, как он работает, «Практическая астрофизика» ему в помощь. Я лучше объясню на пальцах.

Конечно, Роман помнил в общих чертах принцип действия ФЭУ. Но ему было интересно послушать Виктора. Оказывается, он собрал свой собственный прибор — не одноканальный, как стандартные модели, а четырёхканальный. В нём можно было измерять количество фотонов, приходящих от звезды, сразу в четырёх спектральных полосах.

Следующим выступал Покровский. Он вышел к доске и сразу брякнул, что у него есть идея, которую можно проверить с помощью наблюдений. Идея вполне фантастическая, чтобы быть правдой. А что, если пульсары — это цивилизации второго типа, которые построили вокруг своей звезды сферу Дайсона? Они улавливают всю энергию своего центрального светила для практических нужд, а отработанные излишки выводят через специальное отверстие в сфере.

— Так-так, — заинтересовался профессор. — Действительно, всю энергию, по закону сохранения, оставлять внутри сферы нельзя — обязательно взорвётся! В этом что-то есть, знаете ли.

— Бред! — Молчавший до сих пор молодой человек, сидевший по правую руку от Виктора, вскочил со своего места.

— Ведь известно уже, что пульсары — это нейтронные звёзды, а там такое поле тяжести, что всё расплющит...

— Ну, почему же сразу бред, Николай, — миролюбиво заметил профессор. — Во-первых, вокруг нейтронных звёзд могут быть планеты, а во-вторых, расплющить может далеко не всё, а только то, что выступает над поверхностью. А если, к примеру, живые комочки слизи перетекают по поверхности и не строят высотных зданий, то они и так уже расплющенные...

— Тогда здесь опять встаёт вопрос о том, что считать жизнью, — не сдавался Николай. — Я предлагаю сосредоточиться на близких к нам формах жизни, иначе мы завязнем в предположениях и беспочвенных фантазиях.

— Вы у нас биолог, вам и карты в руки. — Профессор снова пометил что-то в своём блокнотике. — Попробуйте сформулировать основные критерии, что такое жизнь.

— С философской или с научной точки зрения?

— А что, вам философия не наука, что ли?

— Философия — это чистейшая фантазия. Хотя в переводе это слово и означает «любовь к мудрости», на самом деле это любовь к мудрствованию. Причём занимаются философией те, кто мудрствует лукаво.

— Эк вы их! В хвост и в гриву. У вас что по диамату? — неожиданно поинтересовался Кардашевский.

— Тройка.

— Не сошлись во взглядах, значит. Ну, ничего. У нас

здесь не кружок любителей пофилософствовать, а экспертное научное сообщество, где любая свежая мысль ценится и приветствуется. Так что дерзайте, молодой человек!

— Могу назвать шесть признаков с ходу. — Николай начал загибать пальцы: — упорядоченность, метаболизм — то есть получение энергии из окружающей среды, рост, адаптация, реакция на раздражители и репликация, то есть способность к воспроизведению и размножению.

Немного помолчав, профессор добавил:

— Нам нужно выделить главные критерии жизни, и не просто жизни, а именно разумной жизни. Это сужает список критериев. Потому что искать во Вселенной проще всего именно разумную жизнь.

— Почему? — спросили одновременно Виктор и Роман.

— Ну как — почему? Мы же ищем тех, кто может выйти в космос с целенаправленными посланиями. Сообщество амёб или грибов мы не сможем разглядеть на расстоянии нескольких световых лет, тем более — проверить их реакцию на раздражители. Как они там растут или адаптируются, мы тоже вряд ли увидим. Остаётся одно — увидеть следы разумной деятельности, если носители разума вышли за пределы своей планеты, а ещё лучше, если за пределы звёздной системы. А это неизбежно связано с большим количеством потребляемой энергии. Причём, заметьте, потребляться она будет в одном диапазоне, а перерабатываться в другой. Поэтому замечание Романа не лишено смысла.

— И как же вы собираетесь проверить наблюдениями вашу гипотезу? — заинтересованно спросил Виктор. — Ведь пульсар пульсирует вполне себе естественным образом, на нём не написано, что это жители соседней планеты пытаются избавиться от излишков излучения. Хотя постойте-ка... — и Виктор принялся лихорадочно что-то писать на клочке бумаги, который подобрал на соседнем столе; похоже, нерадивый студент переписывал уравнения с доски, да так и не забрал записи после лекции.

— Я вижу, работа уже закипела, — профессор улыбнулся. — На этом первое наше собрание прошу считать законченным. В следующий раз встречаемся через неделю в это же время в этом же месте. За неделю прошу подготовить реальные планы работ в каждом из ваших направлений. До свиданья, друзья. Если что — звоните, не стесняйтесь. Вот мой домашний номер, — и профессор размашисто написал на доске свой номер телефона.

Аккуратно переписав в блокнот цифры с доски, Роман пошёл к выходу из конференц-зала. В холле его ждал Виктор, который доставал сигарету из мягкой пачки «Явы».

— Покурим? — предложил он.

— Явская? — поинтересовался Роман.

— Обижаешь! Дукатовскую не признаём.

Ребята поднялись по лестнице на площадку между вторым и третьим этажами, где обычно собирались сотрудники для перекура. Сейчас там никого не было, только на под-

оконнике красовалась огромная стеклянная банка с окурками, а рядом стоял продавленный стул. Третий этаж был техническим, дверь открывалась на чердак, где, кроме склада, вдоль стен и потолка тянулись разнокалиберные трубы и прочие коммуникации.

— Как считаешь, Рома, кто для нашего дела важнее — теоретик или экспериментатор?

— Ну, бывает по-разному... Иногда теоретик выскажет идею, а потом десятки лет её пытаются экспериментально доказать. Вот, например, Эйнштейн предсказал чёрные дыры — не сам, но из его уравнений вытекало, что они должны быть. До сих пор их ищут, но найти не могут. А бывает и так, что астрономы наблюдают необычный объект, а объяснений этого явления до сих пор не найдено. Например, сверхновые звёзды. Моделей много, а выбрать среди них одну правильную трудно.

— Всё ты верно говоришь. Но всё-таки, — Виктор упрямо потряхнул головой, отчего чёлка его отлетела в сторону, а в очках отразился солнечный луч, удивлённо проникший сквозь оконное стекло, давным-давно не выдавшее мокрой тряпки, — всё-таки мы, экспериментаторы, важнее. Помнишь «Физики шутят»? Приходит экспериментатор к теоретику и говорит: «Я тут кривую получил, объясни, что это значит». Тот берёт и объясняет. А экспериментатор переворачивает график и говорит: «Извини, я вверх ногами тебе график показал; должно быть вот так». Теоретик ему: «Так это ещё про-

ще объяснить!»

— Анекдот с бородой. Нет, Виктор, ты мне скажи: насколько мы-то сами, экспериментаторы, можем ручаться за точность своих наблюдений? Теоретики хватаются за наши данные, как за истину в последней инстанции, а на самом деле... Плюс-минус лапоть в измерениях и наблюдениях. И знаешь, что самое интересное? Мне часто кажется, что вселенная, космос, весь внешний мир под нас подстраиваются.

— Как это?

— Мы, вольно или невольно, формируем картину, которую хотим получить. Не всегда, конечно — трудно не заметить взрыв сверхновой, если он происходит у тебя на глазах, как это было в 1054 году. Китайцы двадцать три дня наблюдали эту звезду в дневное время, хотя за день до этого вовсе не думали о ней. Но возьмём случай, когда теоретик что-то предсказывает. Что здесь первично: интуиция учёного, его гениальное предвидение — как в случае с таблицей Менделеева — или идея, посланная в космос, которую тот послушно воплощает?

— Ну, ты прямо субъективный идеалист какой-то! Послушать тебя, так Земля и солнечная система появились потому, что кому-то это пришло в голову! Тогда ещё никаких голов в помине не было, чтобы фантазию проявлять!

— Откуда ты знаешь? Космос широк, некоторые даже говорят, что безграничен. Вполне возможно, что и головы другие были, и фантазия у них работала — дай бог каждому.

— Вот и до бога договорились. Поздравляю!

— Как хочешь, так и называй. А я считаю, что если есть цивилизации третьего типа по классификации нашего профессора, то для нас это всё равно что боги. На что они способны, одному богу известно, прости за дурацкую тавтологию. Мы щёлкаем выключателем — и в кухне зажигается свет. А им, к примеру, и щёлкать не надо ничем. Подумал — и по соседству зажигается звезда. Для нас это настоящее космическое чудо, как для братьев наших меньших щелчок выключателя на кухне. Кто-то сказал, что человек для собаки — как бог. А для нас бог — представитель иной, более могущественной цивилизации. — Роман затушил сигарету и посмотрел на Виктора.

Его визави к тому времени успел досмолить вторую. Сидя на стуле напротив и положив ногу на ногу, он покачивал носком ботинка и внимательно наблюдал в окно за веткой куста сирени, раскачивавшейся от дуновения лёгкого весеннего ветерка.

— Вот это и есть настоящее чудо.

— Что? — не понял Роман.

— Когда листья на деревьях появляются. Сегодня их ещё нет, а завтра утром этот куст сирени покроется клейкими зелёными листочками. Ну, ладно. Разбежались?

— Разбежались.

Глава 5. Письмо

Наутро, подходя к магазину, Роман увидел Глеба, который заталкивал коробку с карамелью «Мечта» на заднее сиденье своего старенького «Москвича-401». Багажником Глеб воспользоваться не мог за неимением такового — вместо багажника сзади было прикреплено запасное колесо.

— Ты как здесь? Сегодня же не твой день!

— Да есть тут неподалёку кое-какие дела, — уклончиво ответил Глеб. — Оставили мне коробочку конфеток дефицитных.

— Ничего себе коробочка! Ты что, сам всё собираешься съесть?

Глеб немного помялся, а потом, видимо, приняв решение, сообщил:

— Да нет, это не мне. Девчата знакомые из мехового ателье просили снабдить, очень они эти конфеты любят. А в свободной продаже их почти не бывает. Ну, я, конечно, себя тоже не обижу, червонец с этой коробочки надеюсь заработать.

Закрыв багажник, он уже открыл дверцу авто, но потом, спохватившись, полез в карман своей куртки и вытащил помятый конверт.

— Ромка, тут тебе письмо принесли... Извини, помялось немножко. Какой-то парень подкатил на старой иномарке,

назвался курьером и спросил тебя. Я говорю — скоро будет. А он ждать не стал, передай, говорит, я спешу. С тем и укатил. Даже имени у него спросить не успел я.

Роман взял письмо и повертел его в руках. Конверт был из плотной коричневой бумаги, нестандартный, без марки. Это был даже не конверт, скорее — пакет. Кроме фамилии и имени — Покровский Роман — на пакете ничего не было. Ни адреса, ни штемпеля. Роман не стал его открывать на ходу, решил, что ознакомится с содержимым в обеденный перерыв.

Четыре часа прошли быстро. Сначала прибыла машина с кондитерской фабрики «Рот Фронт», потом надо было разгружать сахарный песок и подтаскивать его девчатам, стоящим за прилавком. Про письмо Роман вспомнил только в конце обеденного перерыва. «Ну и ладно, — подумал он, — вечером прочту. Так даже лучше, никто отрывать не будет».

Закончив работу в половине седьмого, уставший Роман ехал домой на тридцать девятом троллейбусе. Стемнело. Горели неоновыми огнями вывески магазинов и магазинчиков по обе стороны Арбата. «Сойти, что ли, здесь — выпить кружечку пивка, — подумал Роман, подъезжая к Арбатскому переулку, ведущему прямо к пивному бару „Жигули“. — Нет, не сегодня». Карман оттягивал увесистый пакет с посланием от «курьера». Какой такой курьер? Кому это он понадобился, чтобы целого курьера к нему подсылать?

Роман вышел из троллейбуса и направился домой по ули-

це Мясковского. Дошёл до Сивцева Вражка и свернул на него. Проходя мимо одноэтажного деревянного дома с мезонином, подумал: «А ведь раньше здесь все дома были такие. Резные ставни, сени, комнаты, вкусно пахнувшие деревом. Камин, горящий в углу гостиной, полки с книгами. По вечерам — самовар и пироги с капустой и сливовым вареньем к чаю. Что ещё человеку надо? Нет, ему подавай культурную жизнь, вернисажи, выставки и прочую дребедень. Конечно, если ты пишешь книги или картины, тебе хочется иметь свою аудиторию, которая будет восторгаться твоими творениями. И вот тут возникает главный вопрос: для кого ты стараешься? Для других или для себя?»

Комнатка на первом этаже многоквартирного дома, которую Роман снял в Чистом переулке — Глеб посоветовал, — выходила внутренним окном во дворик, в который, по преданию, приходила Маргарита, чтобы постучать носком своей туфельки в окошко некоего полуподвального помещения. Говорят, одна почитательница и по совместительству скульпторша хотела установить на знаменитом доме мемориальную доску, но потом чего-то испугалась. То ли того, что ей придётся в суде доказывать другим почитателям, что именно в этом доме жил Мастер, то ли того, что к ней придут ночью из организации, имя которой лишний раз не стоит произносить вслух, и спросят: что вы, гражданочка, собственно говоря, хотите сказать вашей доской?

На вешалке в прихожей висела солдатская шинель.

«Опять Денис сбежал из части». Денис отбывал военную службу во внутренних войсках Московской области и то и дело срывался в самоволку, потому что скучал по жене. На следующий день являлся в часть и отправлялся на десять дней на гауптвахту. Валентина, его жена, выглянула из кухни и спросила:

— Рома, чай будешь? Могу и котлетами накормить. Я же знаю — у тебя в холодильнике ничего, кроме пельменей, нет.

Холодильник на кухне был общий на всю коммунальную квартиру. Роман вежливо отказался под предлогом того, что у него срочное дело. Пусть побудут вдвоём, он успеет поужинать. Зашёл к себе в комнату, включил торшер, достал конверт, аккуратно отрезал верхний край, достал из конверта несколько листов бумаги и принялся за чтение.

* * *

«В ночь на четверг мне приснилось, что за мной гонятся одеяло. Шерстяное одеяло, белоснежного цвета, очевидно — зимнее и очень тёплое. Я отпрыгиваю в один угол комнаты — оно за мной. Я мчусь в другой угол — оно не отстаёт. Я залезаю под стол — туда-то оно не пролезет! Ничуть не бывало. Обволокло меня со всех сторон, повалило на пол и так укутало, что стало трудно дышать. Еле-еле процарапал себе дырку для носа и тут проснулся.

Да-а, дела. Я понимаю, если за вами гонятся во сне люди, это означает — уходить от нерешённых проблем. Любой

психолог скажет. Но одеяло? Какое отношение оно имеет к моему подсознанию? Хочет взять надо мной верх? Какое своё качество я подавляю в себе настолько, что оно вынуждено заявлять о себе таким экстравагантным способом?

Полез в интернет, выяснил, что погоня во сне означает нарушение баланса между сознанием и подсознанием. Избегающее поведение называется. Не сильно-то мне это помогло и ничего не прояснило.

Днём, когда я варил себе «файв-о-клок-кофе», вспомнил, у кого я видел подобное одеяло. У соседки по даче, Екатерины Ивановны. Сын у неё астроном, ездит в Чили на наблюдения в Европейскую южную обсерваторию. Сидит по три месяца в пустыне Атакама, наблюдает на Очень Большом телескопе. Ищет планеты у других солнц. Последний раз, перед вылетом из Сантьяго, успел забежать на рынок и купил там в подарок матери одеяло из шерсти альпаки. Это животное из рода лам, похожее мордой на верблюда, разводят только в высокогорных Андах. Альпаки похожи на овец, только у них более длинные ноги и шея. Ещё у них мягкое и длинное руно. Очень тёплое. Эволюция позаботилась — ведь высоко в горах всегда холодно, выше четырёх километров над уровнем моря вечные снега.

Набрал номер телефона соседки по даче. Трубку сняли после первого гудка, как будто ждали звонка.

— Екатерина Ивановна? Здравствуйте!

— Здравствуй, Рома! Что-то ты давно не приезжал... Ра-

боты много?

— Да... Вот скоро уйду в отпуск, на целых два месяца приеду. Буду в лес за грибами ходить и участок в порядок приводить. Там, поди, сорняками всё заросло?

— Есть такое дело. Траву на лужайке постричь не мешало бы. Ты что звонишь-то? Случилось что?

— Да нет, — замялся я. И тут меня как чёрт за язык дернул: — Екатерина Ивановна, у вас такое одеяло было, из белой шерсти, сын из командировки привёз...

На том конце повисло неловкое молчание. Я подождал полминуты, дунул в трубку:

— Екатерина Ивановна, вы здесь?

— Здесь я, здесь, — соседка заговорила низким расстроенным голосом. — Нету больше одеяла. Пропало.

— Как — пропало?

— А вот так. Среди бела дня, вернее, среди тёмной ночи. С вечера положила рядом с собой в кровать. Ночи пока ещё холодные, а печку топить не хотелось. Укроюсь, думаю, если замёрзну ночью. Просыпаюсь под утро — а одеяла нет. Как корова языком слизнула. — Соседка немного помолчала, а потом с подозрением спросила: — А ты почему интересуешься?

Я проямлил что-то невразумительное, что, мол, давно мечтаю о таком одеяле и хотел узнать, насколько оно тёплое. По-моему, она мне не поверила.

Весь день я то и дело возвращался мыслями к злополуч-

ному одеялу. Что-то меня в этой истории тревожило. Ерунда какая, скажете вы, и будете правы. Ну, приснился дурацкий сон. Ну, этой же ночью пропало у соседки по даче одеяло. Простое совпадение, и только.

Не только. Я вспомнил, как примерно два года назад мне вот так же приснился под утро сон. Будто я ищу редкую книгу, захожу в букинистические магазины, роюсь в развалах, шарю в библиотечных круговоротах. «О вращении небесных сфер». Так называлась эта книга. И вдруг нахожу её выброшенной на помойке, среди других изданий в ветхих переплетах. А это, между прочим, главный труд Николая Коперника! В этом месте сон прервался, потому что зазвонил будильник.

В то утро по пути на работу я решил наконец-то выбросить старый прохудившийся таз, в котором стирал белье, пока не обзавелся стиральной машиной «Малютка». Пришлось сделать крюк по пути к автобусной остановке, потому что таз, конечно же, в мусоропровод не пролез, и нужно было оттащить его к контейнеру в глубине двора.

Еще издавек я заметил возле контейнера сваленные горкой книжки, и сердце отчего-то тревожно ёкнуло. Конечно, я не собирался копаться в этих книгах на глазах у всех потенциальных наблюдателей из соседних домов. Но, подойдя к мусорному баку, как бы случайно ткнул носком ботинка три книжки, лежащие друг на друге. Не может быть! Изпод двух томиков ПСС Александра Солженицына выглядывал край потрёпанной обложки с начальными буквами загла-

вия: «О вращ...».

Я положил таз в контейнер и медленно оглянулся вокруг. Никто, вроде бы, не смотрел на меня в этот ранний час. Ну, а если бы даже и смотрел? Нагнулся человек, подобрал книжку у мусорного бака. Мало ли какие чудики встречаются. Я вспомнил, как путешествовал на круизном теплоходе из Москвы на остров Валаам. Когда шли по реке Свирь, остановились в посёлке Свирьстрой и вышли погулять на берег. В этом же порту бросил якорь другой туристический теплоход, на котором путешествовали преимущественно иностранцы. Так вот, одна француженка ходила по берегу, рылась в мусорных ящиках и выуживала оттуда пустые пачки из-под сигарет. Для коллекции, наверное. И совершенно не стеснялась нас, жителей варварской страны, с любопытством глядящих на неё и её эксцентричное занятие.

И вот теперь, через два года, мне опять приснился вещий сон. То, что он был вещим, сомневаться не приходилось: в нём каждая деталь была настолько чётко прорисована, что не отличишь от реальности. Обычно такие сны предупреждают о чём-то. Поэтому я не мог просто проигнорировать нелепый сон про одеяло. Хотел бы, да не мог. Потому что в нём тоже явно содержалось предупреждение. О чём? Сколько я ни думал, ни на чём остановиться не мог.

У вас бывает так: вы думаете о чём-то час, другой, третий, или даже день, два или три, а потом вдруг что-то щёлкает — вот оно? И сразу становится понятно, что решение най-

дено. Так вот, у меня не «щёлкало». Интуиция не срабатывала. Моего опыта, в том числе подсознательного, не хватало, чтобы проанализировать ситуацию. Оставалось ждать и наблюдать.

Работал я в этот день через пень-колоду, был рассеян, на вопросы отвечал невпопад. Несколько раз ловил на себе удивлённые взгляды коллег. Не пошёл на еженедельный семинар, сослался на занятость. После работы сразу отправился домой, хотя мы ещё неделю назад договорились с Глебом, что заеду к нему вечером. Ничего, скажу ему, что заболела голова. Тем более что это почти так и есть — голова у меня какая-то дурная весь день. После ужина весь вечер провалялся на диване с книжкой, даже телевизор не включал.

Ничего особенного в этот день так и не произошло, хотя я весь день был начеку. Уф, пронесло! Так подумал я, почистив зубы и собираясь отходить ко сну. Переоделся в пижаму и взял книжку, чтобы немного почитать перед сном. Подошёл к тахте, включил торшер и... обомлел. На тахте лежало одеяло из моего сна!

Я потрогал его за уголок. Одеяло как одеяло. Вполне материальное и очень тёплое. Я уселся в кресло в сторонке. Что делать? Звонить соседке, говорить, чтобы приезжала за своим одеялом? Во всяком случае, не сейчас — на дворе ночь. И что я ей скажу, как объясню?.. Екатерина Ивановна, ваше одеяло загуляло и случайно забрело ко мне? Впору будет сдавать меня в психушку. Нет, это отпадает. Не хочу в пси-

хушку, клеймо на всю жизнь, потом не отмоешься.

Что ещё? Связать и вынести одеяло на помойку? Не факт, что оно даст себя связать.

«Не дам», — пронеслось у меня в мозгу, и я вздрогнул, как от удара током. Оно ещё и разговаривает!

«Ну, разговариваю, и что в этом такого? Вы, земляне, общаетесь друг с другом с помощью слов, а мы, россияне, с помощью информена — простого обмена информацией».

То, что в космосе могут быть другие населённые миры, кроме Земли, я подозревал давно. Но чтобы в этих мирах обитали одеяла!

«Успокойся, у себя дома мы выглядим по-иному. У вас и образа такого визуального нет. Просто мне приглянулось это „одеяло“, как ты его называешь. Оно такое мягкое, нежное и пушистое... Условия у нас на планете суровые, зимой и летом холодно. Наша звезда Росс — как вы её назовёте, когда откроете — маленькая и холодная. Одним словом — красный карлик. Хоть тут погреться захотелось».

Шпионов со звезды Росс нам только не хватало, подумал я.

«Никакой я не шпион, — обиделось одеяло. — Я прибыл в рамках межпланетных культурных связей. Мы давно присматривались к вам, прикидывали, стоит или нет иметь с вами дело. Эксперименты проводили... В общем, все они кончались неудачно. Ваша цивилизация ранняя, незрелая, только-только выбралась из колыбели. Сейчас у нас некоторые

настаивают, что надо дать о себе знать, пора нарушить заговор молчания. Великое молчание вселенной — так это у вас называется? Вы ни с кем не можете установить связь не потому, что никого в космосе больше нет, а потому, что никто с вами не хочет связываться».

— Почему не хочет?! Что, мы уроды какие-то? — пришла моя очередь обижаться.

«Причём тут уроды? Во вселенной нет понятия уродства. Все хороши на свой манер. Просто вы ещё совсем младенцы с космической точки зрения. Посуди сам: кто же будет с грудничком разговаривать? Его кашкой надо накормить, погремушкой для него позвенеть да памперс поменять».

— А теперь, значит, ситуация поменялась?

Одеяло поёжилось и — как мне показалось — неуверенно ответило:

«Не то чтобы поменялась... Совет Безопасности галактического Содружества тремя голосами против двух принял решение изменить тактику и послать спецпредставителя — то есть меня — для разведывательной операции на месте. То есть на Земле. Последний эксперимент по окультуриванию закончился неудачно, было это лет восемьсот назад во Франции. Сейчас задача у меня простая: взять — как это по-вашему? — „языка“ из местных, чтобы познакомить с нашим миром. И чтобы мы познакомились с ним. Это должен быть заурядный человек, не глупый, но и не гениальный, звёзд с неба не хватающий, не агрессивный и без излишних амби-

ций. Если он согласится, то просить его быть представителем галактического Содружества на планете Земля».

Повисла неловкая пауза. До меня постепенно доходил смысл сказанного.

— Ты хочешь сказать, что?..

«Да, мой выбор пал на тебя. Тем более что сфера интересов у тебя подходящая — поиск внеземных цивилизаций. Твоё сознание расширено и готово».

Мне стало не по себе. Весьма неожиданное предложение. Легко сказать, моё сознание готово. Да, я интересовался поиском внеземной жизни. Я всегда считал, что мы не можем быть одиноки во вселенной. Хотел ли я встретить жителей иных планет? Теоретически — да. Практически...

— Не считаю себя достойным этой высокой миссии, — твёрдо заявил я.

«Глупости, — отмахнулось одеяло. — От тебя не потребуется ничего экстраординарного. Только готовность к сотрудничеству. На работе скажи, что берёшь отпуск. Ты же не был ещё в отпуске в этом году?»

— А если откажусь?

«Ну и зря, — одеяло, похоже, рассердилось. — Тебе выпадает такая возможность, а ты... В общем, так. Время подумать у тебя есть, до завтрашнего вечера. Ровно в двадцать три часа по местному времени портал закроется. Но имей в виду — второго приглашения не будет. В следующий раз нам придётся искать другого сотрудника. Если согласишься

— просто возьми в руки эту вещь», — одеяло исторгло из себя белоснежный помпон, лёгким пуховым облачком опустившийся на прикроватную тумбочку рядом с будильником. Помпон затуманился и превратился в сиреневую сферу размером с чайное блюдце.

Что было дальше? — спросите вы. Я проснулся в семь утра по звонку будильника. Никакой пуховки или сферы на тумбочке, само собой, не было и в помине. Одеяло тоже пропало, как и не бывало. «Приснилось, — с облегчением подумал я. — Нервы расшалились. Действительно, пора брать отпуск».

На работе написал заявление об отпуске и весело рассказывал коллегам, как буду ловить рыбу и собирать грибы в подмосковном посёлке. Но странное дело — облегчение, которое я испытал в самом начале дня, сменялось разочарованием по мере того, как этот день клонился к вечеру. Как будто стою перед дверью, за которой меня ждут удивительные приключения, а я боюсь открыть её. Почему? Что мне грозит? Разве мне не опостылела толкучка в метро в час пик, когда чувство локтя постепенно сменяется чувством злости из-за того, что один попутчик упирается этим самым локтем в грудную клетку, да так, что становится больно дышать, а другой громко дышит в затылок и при этом ещё шмыгает носом? Можно, конечно, работать на удалёнке, но не в моём случае.

Постепенно недовольство собой сменилось глухим раз-

дражением. О чём я, собственно говоря, думаю? Ведь пуховки всё равно нет, очередная моя фантазия. Надо поменьше читать на ночь научной фантастики. Поеду в отпуск, отдохну, а потом примусь за новое интересное дело. Мне предложили место на Симеизской обсерватории, буду там старшим инженером на радиотелескопе. Хотя диаметр телескопа не очень большой, всего двадцать два метра, но для наших целей вполне подходящий.

С такими мыслями, почти примирившись с собой, я поехал после работы к Глебу, предварительно созвонившись с ним по телефону. Просидел у него четыре часа, потом резко встал и засобиравлся домой.

— Ты куда? — удивился Глеб. — Мы же партию в нарды не доиграли!

— Понимаешь, мне надо домой. Совсем забыл — должны позвонить вечером.

— Ну-ну. Раз надо, значит, надо.

Друг ничего больше не сказал, но, пока я зашнуровывал в прихожей ботинки, боковым зрением ловил на себе его пристальный взгляд.

— Пока, старик.

— До скорого. Звони, если что, — Глеб открыл дверь и выпустил меня на лестничную площадку.

Домой я прибыл без пяти минут одиннадцать. Ещё с порога увидел, как на прикроватной тумбочке мерцает сине-нево-алым цветом круглый шар, то расширяясь до размеров

крупного заварочного чайника, то сжимаясь в почти невидимую точку. Я, как был, в обуви и в верхней одежде, протопал в комнату.

«Что ты решил?» — Одеяло висело в воздухе рядом с тумбочкой. Его края заколыхались. Один угол протянулся к моей руке, и я непроизвольно пожал его. Как будто обменялись рукопожатием.

Времени на раздумья уже не оставалось. Сейчас или никогда. Я подошёл к тумбочке и взял в руки мерцающую сферу».

* * *

Роман закончил чтение, отложил в сторону листы с напечатанным текстом и задумался. Действующие лица в рассказе — Роман и его друг Глеб. Странно. Как будто про них с Глебом написано. Автору известно даже, что Роман занимается поиском внеземного разума. Только никакой дачи у него нет, да и на Симеизскую обсерваторию никто пока не приглашал. Пока? А что, если это письмо из будущего? Или из параллельной реальности, в которой всё похоже, да не совсем?

Для чего ему подсунули это письмо? Главное — кто? И что это за «интернет» такой? Сплошные вопросы и ни одного ответа. Уже засыпая, Роман подумал, что надо поинтересоваться у Глеба, играет ли он в нарды.

Глава 6. Институтские будни

Вокруг института творилось что-то непонятное. Ворота настежь, внутри грузовая машина с герметичным кузовом без опознавательных знаков, лай собак. Леночка Фролова — Роман её часто встречал в буфете, она работала в отделе межзвёздного излучения — пыталась отнять у мордоворота в рваной фуфайке тощего пса, которого мордоворот уже почти засунул в кузов своей душегубки. «Опять собак отлавливают. Но и то сказать, расплодилось их вокруг многовато в последнее время».

Наверное, если бы профессор Преображенский пересадил человеческие органы облезлому коту, тот с таким же сладострастием отлавливал бы бездомных собак, как этот дядька. Облезлый кот с трёхдневной щетиной держал собаку одной рукой, а другой отмахивался от наседавшей на него Леночки. Роман подошёл поближе.

— Что вы себе позволяете?

— У меня план! — рявкнул облезлый кот. — Не мешайте работать!

— И это вы называете работой? — У Леночки от возмущения голос сорвался на фальцет. — Отлавливать бедных бездомных животных, а потом их умерщвлять? Куда вы их везёте? Я знаю — вы прямо в кузове будете газ пускать!

— Не твоё дело, дамочка! Куда надо, туда и везём. Ска-

зано — отловить всех собак на прилегающей территории и доставить по адресу... Ах, твою ж каналью!

Извивающийся в правой руке мордоворота пёс изогнулся и исхитрился цапнуть обидчика за руку повыше локтя. Тот взвыл и от неожиданности выпустил животное. Пёс кинулся в сторону и, отбежав на безопасное расстояние от врага, обернулся и зашёлся в заливистом лае. Ему дружно вторили другие собаки, в количестве не менее пяти, которые реагировали на всю сцену поимки своего товарища гавканьем, тявканьем, воем и скулежом, находясь при этом на почти-тельном расстоянии от машины и поблизости от спасительных кустов.

— Пошло оно всё к...!

Неразборчивая ругань облечённого властью преследователя собак потонула в общем хоре четвероногих представителей этого славного класса млекопитающих. Братьев наших меньших. Братьев — кому? Этот облезлый кот им братом точно никогда не будет, подумал Роман. Ни братом, ни другом. Только теперь Покровский заметил разбросанные рядом с машиной куски отдельной колбасы по два двадцать. Очевидно, чтобы приманить собак и поймать их. Но что-то пошло не так.

— На кой мне всё это надо? — с такими словами неудачливый зверолов забрался в машину и, громко хлопнув дверью, завёл машину, нервно развернулся перед лестницей, чуть не наехав на нижнюю ступеньку, и, рыча мотором, вы-

ехал за ворота.

Никого, кроме Леночки, эта история, видимо, за живое не задела. Все сотрудники оставались в своих кабинетах, только две или три физиономии торчали в окнах коридора на втором этаже. В холле первого этажа за большим овальным деревянным столом сидела Волобуева Ирина и собирала заявки на продуктовые заказы.

— Роман, заказ брать будешь? Сегодня икру красную дают и колбасу сырокопчёную. — Ирина сделала вид, что не заметила Лену, вошедшую в институт следом за Романом.

— Да нет, не буду.

— А что так? Деньги кончились? Займи у меня, в зарплату отдашь.

— Просто не люблю красную икру. Вот если бы жёлтую... — отшутился Роман. — А из колбасы предпочитаю докторскую, она полезнее.

Группе профессора Кардашевского выделили комнату на втором этаже, на месте бывшего музея астрономии. Посчитали, что музей можно перенести в подвальное помещение, всё равно туда никто не ходит, кроме школьников во время экскурсий, а экскурсии бывают от силы один раз в месяц. Каждый из четверых сотрудников профессора имел в собственном распоряжении стол. Конторку профессора тоже сюда перенесли из круглой комнаты на первом этаже. Для этого пришлось вызвать пару дюжих молодцов, которые, обвязав конторку специальными тросами, подняли её с перво-

го на второй этаж с помощью лебёдки за две минуты.

Комната была открыта, за своим столом сидел Михаил и читал старый выпуск журнала «Нэйчур» на английском языке.

— Привет, Михаил! Что читаешь?

— Да вот, решил обратиться к истокам. Статья «Поиски межзвёздных сообщений», 1959 год. После этой статьи радиоастрономы и стали искать сигналы на длине волны двадцать один сантиметр. Логично, конечно. Излучение нейтрального водорода, а водорода больше всего во вселенной. Ну, да ты всё это знаешь, а мне ещё предстоит познакомиться.

— Миша, а кто ты по специальности? Я на прошлой встрече толком не понял...

— А, извини! Я — кибернетик. Вот моя настольная книга, — Михаил показал Роману зачитанный томик. — Норберт Винер, «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине». Павел Григорьевич пригласил меня в свою группу как специалиста по теории информации. Буду писать диссертацию по теме «Возможные способы передачи информации между живыми и неживыми организмами».

— Даже так? И как же информация может передаваться между неживыми организмами? И что это вообще такое — неживой организм?

— Твой сарказм почувствовал. Имеешь право. А ты знаешь, что до сих пор никто не знает, что такое вирусы? Что

это? Живые или неживые организмы? А ведь они передают информацию! Да-да! Они содержат генетическую информацию в виде молекул ДНК или РНК и способны её передавать.

— Так ты биолог, что ли?

— Да нет, я же тебе говорю — ки-бер-не-тик. Помнишь, как в «Кавказской пленнице»: «И он совершенно точно сосчитал, сколько зёрен в мешке, сколько капель в море и сколько звёзд на небе. Так выпьем же за кибернетикэ!»

— Вот ты скажи, Михаил, когда у нас появятся такие компьютеры, чтобы у каждого на столе стояли? Я слышал, на западе уже есть.

— Да, у них с семьдесят седьмого года выпускают. Мы отстали немного. Но ты знаешь — совсем немного. В Зеленограде в НИИ «Научный центр» уже всю разрабатывают отечественные. У меня там однокурсник работает. Года через три-четыре и у нас будут, — уверенно заявил Михаил, упрямо мотнув подбородком. — Вот посмотришь!

— Вместе посмотрим, — поправил его Роман и направился к своему столу.

На столе белел сложенный пополам листок бумаги.

— Там тебе из канцелярии принесли. Сказали, как появишься — срочно зайти к замдиректору. Извини, сразу забыл сказать.

Роман развернул записку. На бланке канцелярии была написана его фамилия и указано время, когда Покровскому надлежало явиться к замдиректора по научной части Гераси-

мову Игорю Николаевичу. Через десять минут. Роман пришёл вовремя. Заведующая канцелярией, чтобы не тратить своё время попусту на телефонные звонки, рассылала такие записки с курьером тем сотрудникам, кому была назначена аудиенция у начальства. Не увидел — сам виноват. Значит, на рабочем месте отсутствовал. Либо в курилке пропал, либо в буфете прохладился. Конечно, никаких дисциплинарных мер к такому сотруднику не применялось, но когда факты накапливались, о систематическом отсутствии сотрудника на рабочем месте становилось известно в первом отделе. Попасть же на учёт в первый отдел автоматически означало стать невыездным.

— Здравствуйте, Игорь Николаевич, — Роман осторожно прикрыл за собой дверь, войдя в кабинет замдиректора.

— Входите, Покровский. Садитесь, — Герасимов указал Роману, куда именно ему надлежало сесть, а сам продолжал удерживать у правого уха чёрную телефонную трубку. — Это я не вам. Продолжайте.

Роман присел возле стола, поставленного перпендикулярно к тому, во главе которого сидел замдиректора. Вместе оба стола образовывали букву «Т». Вокруг ножки литеры обычно сидели сотрудники во время пятиминуток, заседаний, совещаний, летучек и планёрок, до которых весьма охоч был теперешний замдиректора. Злые языки поговаривали, что профессор Игорь Герасимов утвердился в своей должности после того, как женился на дочери предыдущего директора

института. Но — злые языки есть злые языки! На чужой роток, как говорится, не накинешь платок.

Игорь Николаевич наконец положил трубку и всем корпусом развернулся к Роману.

— Хочу с вами посоветоваться, уважаемый Роман — как вас по батюшке?

— Анатолевич.

— Да. Так вот, Роман Анатолевич, к нам в два часа приезжает журналист из газеты «Горизонты науки». Хочет взять интервью у учёных по поводу проблемы SETI¹. Вы же состоите в группе Кардашевского? Кому, как не вам, давать это интервью.

— А сам профессор Кардашевский?

— В данный момент в Москве отсутствует. Уехал вчера в командировку в Париж. Другие члены вашей группы могли бы, но... Двое из них вообще не из нашего института, работают у нас на полставки, а четвёртый, Виктор Макеев, отказался. Мне, говорит, некогда интервью давать, я работаю. Так что, — Герасимов картинно развёл руками, — сами видите, Роман Анатолевич, больше некому. Не подведите, побеседуйте с корреспондентом. Реноме нашего института зависит и от того, что о нас будут писать в средствах массовой информации.

— Что я им скажу? Группа только-только образовалась...

¹ _ SETI — Search for Extraterrestrial Intelligence (поиск внеземных цивилизаций).

— Ну, уж это ваше дело. Расскажите о планах, о перспективах, о значении для народного хозяйства, наконец! Год назад, я помню, был парад планет — все газеты и журналы об этом писали. Расскажите об этом.

— Какое отношение имеет парад планет к поиску внеземной жизни?

— Ну как же, как же! Многие только тогда и вспомнили о том, что есть другие планеты. Астрономию в школе прогуливали. А раз есть другие планеты, значит, и другая жизнь может быть. В общем, сами сообразите, как и что сказать. Но если не хотите давать интервью — мы можем попросить Емельяна Афанасьевича...

— Я согласен, — быстро сказал Роман. — Не надо Емельяна Афанасьевича.

Емельяна Афанасьевича в институте знали все. Очень общительный был человек. «Мели, Емеля, твоя неделя» — поговорка была придумана как будто специально про него. Он выступал на всех без исключения профсоюзных, открытых партийных собраниях и международных конференциях, проходящих в стенах института. Доверить дело Емеле — значило зарубить дело на корню. Роман понял, что ему не отвертеться.

— Хорошо, Игорь Николаевич. Я могу идти?

— Идите, конечно. Готовьтесь, Роман Анатольевич. Да, вот они прислали примерный список вопросов, ознакомьтесь пока.

Список был обширный. Начинался он, ни много ни мало, с каналов на Марсе. Та-ак, придётся освежить свои знания. В каком году, говорите, Скиапарелли открыл каналы на Марсе? Ах, вон оно что! Это был вовсе не Скиапарелли, он только нарисовал карту Марса, и произошло это спустя пятнадцать лет после того, как иезуит и по совместительству астроном Анджело Секки увидел на Марсе сеть из тонких линий. Тысяча восемьсот семьдесят седьмой год, великое противостояние, Марс находится всего в пятидесяти шести миллионах километров от Земли. А ведь бывает и четыреста миллионов километров! Скиапарелли чётко увидел полосы на Марсе, назвал их каналами и поэтому стал знаменит. Как много значит удачно подобранное название! И не важно, что планета красного цвета, сухая и безжизненная. Раз каналы — должна быть вода, и всё тут!

Ну ладно, с каналами понятно. Что там дальше по списку? Ага, Циолковский. Статья называется «Планеты заселены живыми существами». Какие подкованные корреспонденты у нас, оказывается. Циолковский гораздо раньше Ферми задался вопросом, почему нас никто не посещает. И сам же на этот вопрос и ответил: «Не пойдем же мы в гости к волкам, ядовитым змеям или гориллам. Мы их только убиваем. Совершенные же животные небес не хотят то же делать с нами. Должно прийти время, когда средняя степень развития человечества окажется достаточной для посещения нас небесными жителями».

За полтора часа Роман прошёлся по списку, подготовленному журналистами, и решил, что он готов к интервью. Теперь можно и пообедать. В столовую идти не хотелось. В подвальном помещении института был буфет, и хотя ассортимент разнообразием блюд не отличался, в нём вполне можно было подкрепиться. Дежурное блюдо — винегрет с сосисками — там имелось всегда. И кофе с пирожными. Буфетчица Алевтина Марковна начинала работать здесь ещё в то время, когда в ходу была контактная электрическая сосисковарка в виде коробки с шипами. Сосиски нанизывались на шипы, крышка коробки закрывалась, и аппарат включался в сеть. Сосиски, сваренные без воды, были даже вкуснее, чем приготовленные по обычному «водяному» рецепту. Но в шестидесятых годах начался переход на двести двадцать вольт, а этот прибор был рассчитан на сто двадцать семь вольт и поэтому оказался не у дел.

В очереди в буфете перед Романом стояла Лена Фролова и читала книжку. Он заглянул ей через плечо. «Глава 3: Лев Толстой и его первая ступень». Ого! Леночка, кажется, вегетарианка. Ну что ж, вот и общая тема для разговора.

Когда Роман подошёл к столику, за которым сидела Лена, она уже доедала свой винегрет.

— Можно к вам?

— Пожалуйста.

От Романа не укрылось, что глаза у Лены припухли и покраснели.

— Что с вами? Вы плакали? Это из-за собак?

— Представляете, эти изверги разбросали по территории института отравленную колбасу! Две собаки наелись и сдохли. Остальные убежали и спрятались в эллингх у строителей. Вахтёрша звонила в службу отлова животных, чтобы приехали и их забрали.

— Кого, строителей?

— Вы шутите? Трупы собак, конечно.

— Вы очень любите собак?

— Ненавижу подлость! Собаки — как маленькие дети, такие доверчивые. Они к людям очень дружелюбно настроены. За редким исключением. Некоторых собак специально воспитывают агрессивными, это другое дело. Я бы взяла этого пса домой, — глаза Лены наполнились слезами, — если бы он остался жив. Он лежал под кустом, я подошла и присела на корточки, а он поднял морду и положил мне на колени. И так жалобно заскулил! Просил, чтобы я ему помогла, а я уже ничего не могла сделать! Понимаете?

— Понимаю. — Роман помолчал. — Знаете что? Я могу с вами поехать на птичий рынок.

— Зачем?

— Купите себе там пёсика, будет о ком заботиться.

— Ну-у, не знаю...

— Подумайте. Если надумаете, заходите. Я сижу в комнате семьдесят восемь, на втором этаже.

— Я знаю, — Лена подняла на Романа глаза, которые до

этого старалась скрывать. — У нас в отделе обсуждали создание новой группы профессора Кардашевского и вас упоминали. Спасибо вам.

— За что?

— За сочувствие. Уже уходите?

— Да. Сейчас корреспонденты приедут, будут выпрашивать, как мы собираемся искать внеземные цивилизации. Надо их встретить, пока Емеля не опередил.

Глава 7. Кутузовский проспект и его окрестности

— Роман! Привет. Что, на сегодня работу закончил? Если хочешь — садись, подвезу. Или прогуляться хочешь? В такую погоду только и гулять. Тепло, настоящая весна начинается.

Роман поздоровался с Глебом, который протирает переднее стекло у своего «Москвича».

— Опять дела в меховом ателье?

— И не только. Хочу и тебе предложить выгодное дельце. Здесь недалеко, как ты знаешь, гостиница «Украина», но сотрудникам не хочется тратить своё обеденное время, чтобы стоять в очередях. А печеньем и конфетками девушки любят полакомиться. Они меня попросили привозить им товар прямо в гостиницу. Готовы доплачивать, конечно. Я сказал, что у меня клиентов много, но обещал поговорить с надёжным человеком. Ты как?

— Что как? — не понял Роман.

— Не хочешь подработать? Или в обеденный перерыв, или после работы привезти им несколько коробок конфет и пачек хорошего печенья. Того, что обычно на полках в магазинах не залёживается.

— Как же я буду возить? У меня в отличие от тебя машины нету.

— Да ты за день здесь больше перетаскиваешь! Возьмёшь большую сумку, сядешь на троллейбус, проедешь одну остановку — всего делов-то. А потом, глядишь, и на машину заработаешь. У меня тоже машина не сразу появилась.

Глеб внимательно посмотрел на Романа.

— Ничего в этом противозаконного нет. Купишь конфеты за свои деньги, имеешь право.

— Я подумаю.

— Подумай. Только недолго. Желаящие быстро найдутся.

— Глеб помолчал. — Слушай, Ромка, ты когда последний раз в кино был?

— Я? Давно. А что?

— Не хочешь сходить со мной на фильм «Полёты во сне и наяву»? У нас тут в кинотеатре «Киев» идёт.

— Это там, где Янковский в главной роли?

— Кажется, да.

— Я не против. Только мне к половине одиннадцатого надо быть дома. Одна знакомая обещала позвонить. Понимаешь, я обещал съездить с ней на птичий рынок. — Роман вкратце пересказал Глебу события вчерашнего дня.

— Могу предложить свою помощь, — неожиданно сказал Глеб. — У моего знакомого ошенилась сука. Помесь ретривера с лабрадором. Не ахти каких дворянских корней, но и не из подворотни. Красивые щенки, мохнатые, чёрные. Он как раз ищет, кому бы пристроить. Один мальчик и одна девочка.

— Я могу у неё спросить. А ты пока своего знакомого не обнадёживай.

— Договорились. Ну так как насчёт кино? Согласен? Тогда садись в машину. Доедем, тут недалеко.

Глеб вёл машину аккуратно, но немного залихватски. Правил не нарушал, проезжая мимо гаишников, в их сторону не смотрел или не поднимал взгляд выше пупка.

— Когда едешь мимо гаишника, никогда не смотри ему в глаза. Он взглядом цепляет и в пяти случаях из десяти останавливает. — При повороте с Киевской улицы на набережную Тараса Шевченко Глеб притормозил и переключил передачи. — Это я тебе рассказываю на будущее. Пригодится.

Роман хотел поддержать разговор, но не знал, о чём рассказать. Глеб первым нарушил молчание:

— К нам вчера в магазин итальяшки набежали. Толпа человек в двадцать: гогочут, смеются. У них тут посольство через мост. У одного — маленького, чёрненького — ожерелье на шее висит. Сделано из монеток наподобие наших копеек. И он самый многоголосый. Кричит и кричит: «Кавиар, кавиар!» Остальные поддерживают. Я им говорю — здесь кондитерский, «кавиар» на соседней улице. Не понимают, хотя я по-английски объяснял. Пришлось проводить до дверей валютной «Берёзки». Отблагодарили. Сунули целый доллар. Что мне теперь с ним делать?

— Итальянцы вообще не любят иностранные языки учить. На севере Италии ещё немного немецкий знают, пото-

му что Швейцария рядом. По-испански понимают, разговорный испанский похож на итальянский. Но английский знают только в пределах «кавиара». Больше знать не хотят. Впрочем, так же как и во Франции. Даже если знают, сделают вид, что не понимают. Есть даже анекдот про французского попугая.

— Какой?

— Французу выписали штраф за то, что его попугай ругался по-английски. Хозяин попугая говорит: когда я его покупал, не знал, что он английским ругательствам обучен. Ему отвечают: переучивайте, попугаи в нашей стране должны быть патриотами!

Повернув на набережную Тараса Шевченко, Глеб припарковался прямо у кинотеатра.

— Я тут недавно смотрел документальный фильм, как у них там на Западе паркуются. Машина почти у каждого, улочки маленькие, могут полчаса колесить, пока место себе найдут. Как ты думаешь, Глеб, у нас так когда-нибудь будет?

— Как? Чтобы припарковаться было нельзя? Вряд ли. Новые машины дорогие, да и не купишь их так просто. Года два надо в очереди стоять. У меня-то в Южном порту куплена. Знаешь песенку? «Мы пришли сегодня в порт... и стоим, разинув рот». Опять же, с запасными деталями тяжело. Если у тебя нет знакомого человечка на автосервисе, то пиши пропало: днём с огнём будешь искать — не найдёшь. Тут у меня недавно аккумулятор полетел, так несколько дней по ма-

стерским мотался, и только пару дней назад удалось выменять свой горелый на более-менее отремонтированный. Вот пока стартёр крутит.

До начала сеанса оставалось десять минут. Глеб предложил:

— Успеем выпить по кружечке пивка. Здесь буфет замечательный. Ты как, не против?

Буфет в зелёном зале действительно был великолепный. Бутерброды с сыром, с колбасой сырокопчёной стоили всего по десять копеек. Роман с интересом огляделся по сторонам.

— Ты часто здесь бываешь?

— Где? — не понял Глеб.

— В этом кинотеатре.

— Конечно. Я же живу в этом доме. Удобно. Мальчишкой ни одного нового фильма не пропускал, особенно мы с ребятами любили «Песни моря». Иногда вместо уроков бегали сюда, не стану скрывать. А на зимних каникулах по утрам крутили детские фильмы. И мы на всю неделю покупали абонемент. «Толю Клюквина» и «Кроша» наизусть выучил. Пошли в зрительный зал, пора.

После фильма молодые люди решили прогуляться по набережной. Темнело. Глеб посмотрел наверх и указал Роману на балкон на третьем этаже, второй слева.

— Вон мой балкон. Я там антенну соорудил — вбил крюк прямо в стенку между кирпичами. Знаешь, с детства люблю радиодело, в армии был радистом. А в юности сделал свою

передачу, «Радио Сокол» называлась.

Глеб сделал небольшую паузу и голосом диктора произнёс:

— Говорит «Радио Сокол», говорит «Радио Сокол»! В эфире знаменитый вокальный квартет Beatles: P.S. I love you!

— Радиохулиганство?

Глеб усмехнулся:

— Можно и так сказать. К моему величайшему удивлению, меня почему-то не трогали. Наверное, решили: пусть мальчишка развлекается, принимая во внимание номер дома и название улицы. А улица — Кутузовский проспект, а дом — номер тридцать. А в доме двадцать шесть весь наш триумвират живёт: Генеральный дядя Лёня, председатель Комитета Глубокого Бурения дядя Юра и Глава Внутренних Дел Николай Анисимович. Отцу подарили как-то приёмник «Альпинист». У него диапазон средних волн. А я как раз вещал на средних волнах — триста метров. С этим «Альпинистом» были интересные истории. Однажды выхожу из своего подъезда, проверить, насколько далеко мой «Сокол» долетает. В нашем дворе стоит такси, водитель сидит в машине, ждёт кого-то и моё радио слушает. То есть я слышу «Битлов» и из «Альпиниста», и из машины. Как раз, помню, «Can't buy me love» играло. И пошёл я со своим приёмником к центру, в сторону гостиницы «Украина». Дошёл до двадцать шестого дома, прошёл мимо подъезда дяди Лёни, дяди Юры и Николая Анисимовича — слышно прекрасно. И так по набереж-

ной почти до фабрики «Сакко и Ванцетти» дошёл, упёрся в её забор и на этом решил эксперимент закончить. А ты?

— Что я? — не понял Роман.

— Чем ты в детстве увлекался?

— Астрономией. Сколько себя помню, всегда ею интересовался, читал книжки про космос, сам сделал телескоп. Только у нас в Москве плохо видно звёздное небо — слишком много света и пыли. Мы с друзьями выезжали за город, на чью-нибудь дачу, и там вели наблюдения.

— Луна, Марс?

— Не только. Сатурн, Юпитер, туманности, галактики разные. И просто звёзды — знаешь, какие они красивые бывают? Например, двойная звезда Альбиро, бета Лебедя. Оранжевая и голубая звёздочки видны рядом в небольшой телескоп.

Роман воодушевился, рассказывая о своём увлечении, и его энтузиазм передался Глебу:

— Покажешь? Этот телескоп до сих пор у тебя?

— Нет, — Рома сник и сразу погрузился, опустив голову.

— Нету телескопа.

— Почему?

— Отчим пропил. Просил у матери деньги на выпивку, она не давала. Дождался, когда мы с ней из дома ушли, и стащил телескоп. Сдал его в какую-то лавку подержанных вещей. Я у него с трудом выпытал адрес, когда он проспался. Побежал туда — а телескопа уже нет. Продали. Хороший

телескоп был, я с ним столько удачных наблюдений провёл!

— Да-а, дела-а, — протянул Глеб и вдруг воодушевился: — Вот ты и купишь себе телескоп на честно заработанные! Я видел, сейчас такие телескопы можно купить — закачаешься! Поедем в Кратово на дачу, покажешь мне звёздное небо. Я ведь тоже в детстве астрономией увлекался, «Детскую энциклопедию» читал. Хоть сейчас могу рассказать, чем истинное солнечное время отличается от среднего.

Роман посмотрел на Глеба с уважением.

— Я знаю многих астрономов, которые не сразу об этом смогут рассказать. А вот мой отчим — тот вообще считает, что солнце вращается вокруг Земли.

— Шутишь!

— Он мне на полном серьёзе как-то говорит: я вам, учёным, ни на грош не доверяю. Только деньги на вас государство тратит, а толку — пшик. Вот ты, говорит, чем занимаешься? Я говорю, что звёзды наблюдаю. А он — на хрена мне твои звёзды? Вот если бы они мне маленькую ночью на парашюте спустили, я бы им спасибо сказал. А так — солнце днём крутится, звёзды ночью фигнёй маются, луна тоже блестит зачем-то... Народу эти ваши звёзды и планеты без надобности. Так и говорит. Может, издевается. Как только моя мать могла с ним связаться? Я поэтому из дому и ушёл, что не мог больше смотреть на это. И на пьянство его вечное.

— Он, наверное, на самом деле прекрасно знает, что вокруг чего вращается. Просто видит, что тебя это раздражает,

вот и подначивает. У нас в школе это называлось «поиметь». Все они такие, любители заложить за воротник. Вот, например, слышал такой анекдот? Под балконом дома стоит мужичонка в кепке и глядит вверх. Постоял-постоял и закричал: «А-ню-та! А-ню-та! Выдь, что скажу!» — Дверь на балконе с грохотом отворяется: «Ну, чего тебе?» — «Брось мне шестьдесят две копейки, а то на молоко не хватает!» — «Как же я брошу, они же рассыпятся?» — «А ты в трёшку заверни!»

Роман ответил:

— Вот так же и мой отчим каждый раз что-нибудь новенькое придумывает. Тут на днях говорит: «Нюра, извини, опоздал, такие пробки — ужас!» Она ему: «Коля, да ты пьян! Какие пробки?! У тебя же права на машину отобрали!» — «Да мы два часа мучились с Серёгой, это же надо так вино закупорить!»

Со стороны главного входа в знаменитый «Гастроном» тридцатого дома к ним приблизился совершенно не характерный для Кутузовского проспекта персонаж. Это было что-то средних лет, одетое в нечто очень поношенное. Мужичонка увидел двух молодых людей и твёрдым шагом направился прямо к ним.

— Ребятки, вам третий не нужен? Только у меня того... с деньгами туго. Мелочь в кармане звенит. Эх, прошли времена! Раньше за два восемьдесят семь взяли бы, как раз ещё на сто грамм кильки «весёлые ребята» хватило бы. А теперь... Ну как? Посидим, поговорим...

— А что, — подмигнул Роману Глеб, — посидим и расскажем друг другу, какие мы знаем три источника и три составные части.

— Стакан, бутылка и закуска! — живо подхватил мужичок. — Три главных источника нашей жизни, они же три составные части дружеского общения. Ну что, ребяташки, как насчёт этого самого?

Глеб достал из кармана пятёрку и протянул соискателю.

— Я вижу, сэр, вам поправиться надо. На, возьми. Потом отдашь. А нам с товарищем недосуг сейчас. Извини.

— Ты, друг-человек!.. Да я... Да ты... — Мужик махнул рукой. — Спасибо!

Он быстрым шагом удалился в сторону главного входа в «Гастроном».

— Наверное, с того берега перебрался по окружному мосту, — проводил его глазами Глеб. — У нас тут таких персонажей не водится. — В этот момент взгляд его упал на камень в овраге: — Смотри-ка! Плита моя до сих пор тут валяется!

— Какая плита?

— Могильная плита из гранита. Помню, в пятом классе — дай, думаю, я её домой притащу, пригодится. А сверху приятель смотрит и говорит: «Ты зачем её, Глебка, тащишь?» — «Себе на могилу», — отвечаю. Но не дотащил, не осилил. А приятель стоял сверху, насмеялся. Нет чтобы помочь.

Роман взглянул на часы.

— Уже одиннадцатый час! Я совсем забыл! Мне же позвонить должна девушка. Я тебе говорил. Эх, не успею доехать!

— Давай подвезу, — предложил Глеб. — Заодно посмотрю, как ты устроился по моей протекции.

Пока ехали, Роман вспомнил, что хотел спросить у напарника.

— Глеб, ты в нарды умеешь играть?

— Да, а что?

«Говорить или нет? Пока не буду».

— Хотелось бы научиться. А сам-то где играл?

— В армии. Там у нас один кавказец служил, как и я, радистом. Очень любил эту игру. Свои нарды из дома привёз, а когда на дембель уходил, мне подарил. Они у меня сохранились. Если хочешь — приходи, научу.

— Спасибо. Как-нибудь зайду.

Глава 8. Если звёзды умирают...

В конференц-зал народу набилось видимо-невидимо. Все с нетерпением ожидали приезда иностранной гостьи. На самом видном месте в холле красовался большой плакат: «17 апреля 1982 года в конференц-зале ИРА-2 состоится лекция первооткрывательницы пульсаров Сьюзен Джоселин Белл Бернелл. Начало в 17 часов». Роман вошёл одним из первых, вместе с ответственным за конференц-зал, и уселся в кресло в первом ряду.

До начала лекции оставалось пять минут, а докладчицы всё не было. Наконец без двух минут пять в зал стремительно вошла широко улыбающаяся дама с роскошной рыжей шевелюрой, в очках в чёрной роговой оправе и очень скромно одетая: чёрный пиджачок, из-под которого выглядывала кофточка пурпурного цвета с оттенком маджента, чёрные брюки в серую полоску и светло-серые полукеды на толстой подошве — она целый день провела в экскурсиях по Москве и одежду поэтому выбрала лёгкую и походную. Вытащив из сумки, висевшей на плече, кипу прозрачных плёнок, передала их Саше Рублёву, который отвечал за оверхед-проектор и всегда помогал лекторам с демонстрацией их результатов.

Поднявшись на сцену, Джоселин обернулась к залу, одёрнула пиджачок и поздоровалась. Затем она подошла к знаменитой доске и, беспомощно оглянувшись по сторонам в

поисках мела, зачем-то покрутила ручку сбоку от доски. Переводчица — которой оказалась Леночка Фролова, хорошо знавшая английский язык и иногда помогавшая с письменными переводами сотрудникам института, — подошла к Джоселин и что-то тихо сказала ей. Та оглянулась и, увидев большой кусок мела на краю стола, благодарно улыбнулась Лене.

Уверенно написав на доске формулу, Джоселин повернулась к аудитории и задала вопрос:

— Do you know this formula?²

Перевода вопроса не потребовалось. Публика в тот день подобралась осведомлённая, формулу эту знающая и сломавшая не один десяток копий в дебатах по поводу оной. Шелест голосов всколыхнулся в зале одновременно в нескольких местах: «Формула Дрейка!» Джоселин удовлетворённо улыбнулась и начала рассказывать о том, что уравнение Дрейка содержит слишком много допущений и, строго говоря, не является научным. Поэтому весь проект SETI — это скорее религия, а не наука. Основные допущения нельзя ни доказать, ни опровергнуть, точно так же, как нельзя доказать или опровергнуть существование Бога.

Сама Джоселин тоже увлекалась SETI, поэтому в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, когда впервые зарегистрировала таинственный пульсирующий радиосигнал из космоса, прежде всего подумала о «зелёных человечках».

² _ Знаете ли вы эту формулу?

Она так и назвала объект, посылающий сигналы из космоса: LGM-1 (Little Green Man). Джоселин под руководством Энтони Хьюиша искала тогда квазары с помощью радиотелескопа, но вновь открытый сигнал имел чёткую периодичность и не был похож на сигналы от квазаров.

Коллеги над Джоселин вначале откровенно потешались: она была всего лишь аспиранткой, к тому же женщиной. «А ты правильно включила телескоп?» — это был первый вопрос, который ей задавал каждый, кому она рассказывала об открытии. Но Джоселин привыкла к скептицизму с их стороны и старалась не обращать на него внимания, хотя научные сотрудники в Кембридже вели себя высокомерно и всячески подчёркивали своё превосходство над скромной девушкой из провинциальной Северной Ирландии.

Примерно через месяц сигнал появился снова. Он повторялся регулярно через одну и три десятых секунды. Теперь уже и научному руководителю Джоселин пришлось поверить в реальность сигнала. Потом открыли другой сигнал, а через несколько недель — третий и четвёртый. В 1968 году в журнале «Нэйчур» была опубликована совместная статья Джоселин Белл с Энтони Хьюишем, её научным руководителем, о наблюдениях быстро пульсирующего внеземного радиоисточника. Сообщение стало научной сенсацией. Посыпались различные гипотезы, пытающиеся объяснить происхождение сигналов. Один советский астроном предположил даже, что радиопульсары — это «маяки» внеземных цивили-

заций. Но вскоре учёные сошлись на том, что открытые пульсары — это сверхплотные вращающиеся нейтронные звёзды, рождённые во взрывах сверхновых. Теоретически эти звёзды были предсказаны ещё тридцать лет назад.

Настоящее потрясение Джоселин испытала в тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году, когда её научному руководителю, имя которого стояло первым в знаменитой статье о пульсарах, присудили Нобелевскую премию за открытие первого пульсара, а её не включили в число соискателей. Когда Джоселин на интервью спрашивали, что она думает по этому поводу, она отвечала, что всё нормально, ведь Хьюиш — её научный руководитель... Но в душе, конечно, сильно тогда переживала.

Обо всём этом Джоселин рассказывала теперь совершенно спокойно. Видно было, что она пережила эту ситуацию и давно простила людей, вольно или невольно обидевших её. Роман спросил себя, а как бы он поступил на месте Хьюиша? Стал ли бы он настаивать на том, чтобы его аспирантку включили в число соискателей премии?

Наверное, стал бы. Или отказался бы от премии, если бы в комитете сказали, что аспирантам её не присваивают. Чтобы всю оставшуюся жизнь не мучила совесть за присвоенное открытие, сделанное другим человеком.

Лена переводила хорошо и усердно, в некоторых местах переспрашивала докладчицу и та с готовностью повторяла и разъясняла непонятные места. Когда докладчица кончила

и предложила задавать вопросы, в аудитории поднялся лес рук. Вопросы были самые разные: и о том, чем Джоселин занимается в настоящее время, верит ли она по-прежнему в зелёных человечков, и о том, каковы перспективы поиска внеземных цивилизаций, и что на западе делается в этом отношении. Наконец слово дали Емельяну Афанасьевичу Переплюйкину. Зал дружно вздохнул и приготовился к аттракциону.

По большому счёту, Емелю надо было проигнорировать и слова ему не давать. Все знали его как каверзного и дошного сослуживца, пытающегося при всяком возможном случае уличить собеседника во всевозможных отклонениях от истины. Но в этот день ходом заседания руководил представитель первого отдела из смежного института. Он не был посвящён в такие нюансы и кивком головы разрешил Емеле задавать свой вопрос, когда тот подался вперёд и даже толкнул Романа, пробираясь между креслами к сцене.

— После опубликования вашей статьи в «Нэйчур» в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году у вас стали брать многочисленные интервью. Журналистов больше всего интересовал размер вашей груди, талии и бёдр. Тогда вы сказали, что не в курсе, что вас это не интересует. А сейчас вы уже знаете эти свои размеры? — И, обратившись к переводчице, Емеля потребовал: — Переведите.

Лена покраснела до кончиков своих белокурых кудрей. Ведущий опешил и в изумлении воззрился на Емелю, по-ви-

димому, на какое-то время потеряв дар речи. Емеля победоносно обвёл взглядом аудиторию, с удовольствием отметив скабрёзные усмешки на некоторых лицах. Но таких было меньшинство. Большинство же присутствующих выразило своё негодование недовольным ропотом; секретарь парткома института, сделав грозное и устрашающее лицо, попытался урезонить Емелю сдерживающими жестами, но тот демонстративно не смотрел в его сторону. К Емеле подскочил председатель профкома и взял его за локоть, но Переплюйкин тут же выдернул свою руку из цепких пальцев главы профсоюзного бюро и снова обратился к Елене:

— Ну что же вы молчите? Переводите вопрос.

Ведущий наконец оправился от шока и что-то тихо сказал сидящему на приставном стульчике у окна гражданину в сером костюме. Тот поспешно вскочил со своего места и, подойдя вплотную к Емельяну Афанасьевичу, дружески положил руку ему на плечо. От этого невинного жеста Емеля как-то весь сразу скукожился, затрепетал и побледнел. Смена выражений на его лице была так разительна, что её заметила даже докладчица. Она с интересом посмотрела на Лену и спросила:

— What's the matter?³

Лена к этому моменту уже пришла в себя и ответила в том духе, что на научном семинаре не принято задавать вопросы личного характера и поэтому человеку, задавшему подоб-

³ _ В чём дело?

ный вопрос, следует покинуть аудиторию. Таковы правила. Емеля под руку с серым костюмом покинули аудиторию под заинтересованные взгляды присутствующих. Надо было спасать положение, так как молчание слишком затянулось. Никто не рисковал вызывать огонь на себя.

Роман привстал со своего места:

— Можно мне?..

Ведущий цепким взглядом мгновенно оценил степень лояльности спрашивающего. Видимо, результат осмотра его удовлетворил, потому что он утвердительно мотнул головой. Роман не стал затруднять Лену переводом и спросил по-английски:

— Do you think whether the life may exist on these dying stars?⁴

Лена с опаской посмотрела на ведущего. Тот сказал, видимо, не поняв вопроса:

— Переведите.

Лена послушно перевела заданный вопрос на язык, понятный большинству присутствующих, и Роман отметил про себя, что зря он выпендривался, всё равно его благой порыв не сработал. Между тем Джоселин, явно заинтересовавшись вопросом Романа и что-то тихо проговаривая про себя, начала рыться в своих записях. Наконец нашла тоненькую брошюру — препринт новой статьи, пояснила она — и что-то на ней написала. Вслух она сказала:

⁴ _ Как вы думаете, может ли существовать жизнь на этих умирающих звёздах?

— Yes, I do believe it may be so. And I'm looking for the people who are sharing my point of view.⁵

Подошла к Покровскому — благо он сидел в первом ряду — и вручила ему свою статью. После этого семинар сам собой подошёл к концу, докладчицу поблагодарили и всех присутствующих пригласили на небольшой фуршет в кабинете директора.

Роман рассмотрел подаренный препринт. На внутренней странице обложки красовалась дарственная надпись Джоселин.

Позже, в кабинете директора, Роман увидел, что Емеля сумел-таки подобраться к Джоселин с бокалом шампанского, подозвал к себе Леночку и начал атаковать гостью своими вопросами. Лена смущалась, но переводила. Джоселин, однако, отреагировала неожиданным образом: расхохоталась и начала что-то горячо рассказывать; Лена едва поспевала за ней. Роман передвинулся поближе к компании в надежде, что Джоселин заметит его — он хотел пообщаться с ней на интересующую его тему. Успел мельком просмотреть препринт, который его очень заинтересовал.

Старания Романа увенчались успехом. Джоселин что-то сказала Лене, та кивнула и, повернувшись к Роману, призывно помахала ему рукой. Емеля скорчил недовольное лицо, но — делать нечего! — ему пришлось отойти в сторону.

— Doctor Pokrovskii, — представился Роман. — If you

⁵ _ Да, я верю, что так может быть. И я ищу тех, кто разделяет мою точку зрения.

don't mind, I would like to clear out some points⁶.

— Вы сами справитесь, Роман Анатольевич? Я могу идти?

— Да, конечно, Леночка. Спасибо.

Роман рассказал Джоселин, чем он занимается в институте и что именно его заинтересовало в подаренной ею статье. Насколько он понял при беглом знакомстве с препринтом, речь там шла о совершенно иной форме жизни, чем та, которую ожидают обнаружить искатели в рамках программы SETI. И критерии поиска предлагаются необычные: не обшаривать небо в надежде наткнуться на сигналы искусственного происхождения, а пытаться найти источники, которые самим своим существованием нарушают второе начало термодинамики. Роман не понял: как это? Джоселин объяснила.

Если оставить всё как есть, природа стремится перейти от состояний менее вероятных к состояниям более вероятным. Например, если собрать кучу валежника и оставить в таком положении на зиму, он постепенно сгниёт под действием дождей, снега и ветра. И уж во всяком случае, не превратится самостоятельно в шалаш. Но если вдруг на месте кучи появится нечто, противоречащее теории вероятности, — надо искать разумного нарушителя второго начала термодинамики.

Или ещё пример. Возьмём неприметную звёздочку V838 Единорога. Находится на расстоянии двадцать тысяч световых лет от Солнца. В какой-то момент блеск её начал рас-

⁶ _ Доктор Покровский. Если вы не против, я хотел бы кое-что прояснить.

ти. Так бывает со звёздами на пороге гибели, когда они в последний момент взрываются и разбрасывают вещество перед тем, как потухнуть окончательно или погаснуть до еле заметного тления. У этой звезды блеск тоже начал уменьшаться после взрыва, но вдруг она снова увеличила свою яркость. И так несколько раз. Учёные стали ломать головы над необычным поведением этой звезды: оно не вписывалось ни в какие теории.

А если предположить, что на звезде произошёл спровоцированный термоядерный взрыв? И не один, а несколько? Если мы уже сейчас можем уничтожить всю Землю в пламени термоядерной войны, то почему не предположить, что обитатели звёзд достигли гораздо большего могущества и могут стереть в пыль целые светила? Расчищают пространство, так сказать, под себя. Тогда всё становится на свои места: первый удар достиг своей цели, но не полностью; второй и третий вчистую доконали звезду, а вместе с ней и всё обитаемое и необитаемое пространство вокруг на расстоянии нескольких астрономических единиц.

Так же действуют пахари и сеятели, обрабатывая плугом обычное земное поле: разрыхляют пласты почвы, перемалывая сорняки и уничтожая кротовьи норы, а затем раскидывают зёрна, с нетерпением ожидая всходов будущего урожая. Звезда, умирая, разбрасывает вокруг себя химические элементы — основу будущей жизни. В молодых звёздах нет ни железа, который так нужен для образования гемоглобина, ни

кислорода и углерода с азотом, входящих в состав аминокислот. И только пройдя весь свой жизненный путь до конца, массивная звезда обогащается широким набором химических элементов для зарождения новой жизни и может служить удобрением для выращивания в космосе новых цивилизаций.

Но не каждая звезда подходит для такого космического «инкубатора». Наше солнце ожидает гораздо более спокойный конец: разбухание до красного гиганта сменится съёживанием до размеров белого карлика, который выгорит постепенно дотла и превратится в ничем не примечательного чёрного карлика. Зато и время жизни у нашего солнца гораздо больше, чем у массивной звезды, рядом с которой за несколько миллионов лет просто не успеет развиваться мало-мальски разумная жизнь.

Но вот наступила катастрофа и звезда взорвалась. Смертельные потоки радиации и звёздной плазмы разлетелись во всех направлениях, по близким и далёким космическим закоулочкам. Что останется на месте взрыва? Пшик? Вовсе нет. Останется та самая нейтронная звезда-пульсар наподобие того, что наблюдала Джоселин. На звёздном осколке, масса которого всего-то в полтора раза больше солнечной, жизни в нашем понимании, конечно, быть не может. Но Селятели наверняка оставят смотрителя на маяке, чтобы звёздные корабли не заблудились в пространстве. Мигающий свет пульсаров будет озарять путь Жнецам, которые придут сю-

да через несколько сотен миллионов лет, чтобы собрать урожай. И вот такие зрители звёздных маяков, по мнению Джоселин, обитают на пульсарах.

Роман выразил восхищение фантазией первооткрывательницы. На его вопрос о том, как отнеслись в редакциях журналов к необычной гипотезе, Джоселин смущённо ответила, что ни в одно издательство статью так и не приняли, но она издала препринт за свой счёт. Роман посоветовал ей напечатать статью как научно-фантастический рассказ и сказал, что в этом случае она соберёт более обширную аудиторию, ведь фантастику читает гораздо больше людей, чем научную литературу. Джоселин смутилась ещё больше и рассказала, что она пробовала, но в журналах фантастики её статью тоже не берут — говорят, что она написана слишком сухим научным языком. Тогда Роман осмелел и предложил ей свою помощь в качестве соавтора. Он к тому времени уже напечатал несколько рассказов в разных журналах и, как говорил его друг детства, не лишён был литературного таланта. Ну и что же, сказал Роман, что английский не его родной язык, зато он постарается придумать завлекательную фабулу, а уж Джоселин подберёт нужные эпитеты и сочные метафоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.